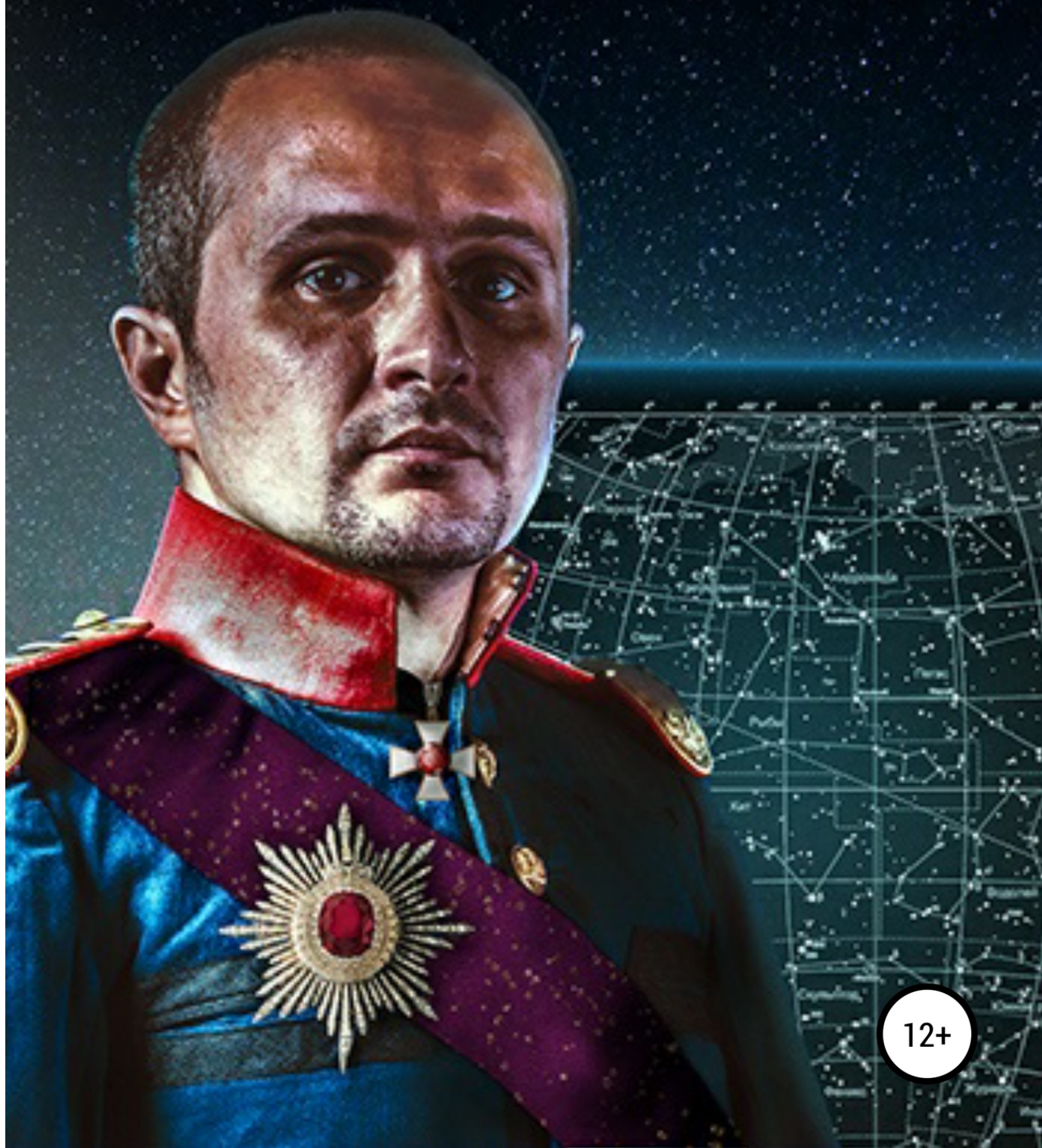

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ. ЗАВЕЩАНИЕ

Павел Чук

12+

Друзья по несчастью

Павел Чук

Друзья по несчастью. Завещание

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Чук П.

Друзья по несчастью. Завещание / П. Чук — «ЛитРес: Самиздат»,
2019 — (Друзья по несчастью)

Павел торопится к Андрею, но успевает только на его похороны. Читая его послание, главный герой понимает, что на планете, где они с другом по несчастью оказались, стали проявляться необычные явления, которые наводят на мысль, что планету, затерянную в неизвестном секторе Галактики, обнаружила разумная цивилизация, но что это за цивилизация, Альянс, Союз или ещё кто. Главный герой предпринимает попытку узнать, кто посещает планету. В оформлении обложки использована работа Марии Грас по лицензии ССО.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Друзья по несчастью. Завещание
02.06.2019г.

Глава 1

Солнце медленно поднималось над горизонтом, но челядь усадьбы, завершая последние приготовления к отъезду хозяина, уже была на ногах.

– Господин. Всё готово, можно выезжать.

– Спасибо, Миронис, сейчас выезжаем...

– Де-да! Ты куда без меня?

К пожилому мужчине, на вид шестидесяти лет с проседью в волосах и неаккуратной бородкой, подбежала девочка лет шести и, настырно схватив его за руку, увлекла за собой от повозки.

– Вика, внучка, почему так рано проснулась, – удивился я, глазами выискивая среди провожающих её мать.

– Хотел без меня уехать? И куда? Я тоже хочу!

– Внучка, я еду в столицу, по делам.

– К дяде Андреусу едешь? Подарки привезёшь, а когда вернёшься? – озорно улыбаясь, спросила девочка.

– Привезу, привезу, а сейчас, иди, разбуди свою маму.

– Она уже проснулась и сейчас выйдет, я её обогнала! – весело проговорила девочка.

– Отец, надолго уезжаешь? – во дворе появилась миловидная женщина. Она подошла к девочке и взяла её за руку.

– Нет, дочка. На неделю, может две. Андреус просил приехать к нему, ты же знаешь, я говорил.

– Знаю. Не задерживайся в дороге. Свои снадобья взял с собой? Или опять забыл?

– Не забыл, дочка, не забыл.

– Господин, можно отправляться, – тихо произнёс слуга.

– Да-да. Отправляемся.

– Де-да! Подарок не забудь! – выкрикнула девочка, махая вслед уходящим повозкам.

Я – Павлос, по местным меркам глубокий старик, доживший до шестидесяти лет, но, сколько мне действительно лет я не знаю, по ощущениям, не больше пятидесяти. Злая судьбинашка закинула меня с родной планеты Земля в неизведанный космос. Инопланетная раса Кенгиры приютила, обучила, предоставила гражданство и отправила на войну, которая началась между Альянсом, гражданином которого я не по своей воле стал, и Планетарным Союзом. Много мне пришлось пережить, и в одиночку выживать в тылу врага, и командовать подразделением при проведении специальной операции, но... так получилось, что мою спасательную капсулу выбросило через чёрную дыру в неизведанный космос, что аппаратура ориентации не смогла определить даже сектор Галактики, куда меня закинуло. Здесь, на этой планете я стал бойцом школы и с рабским клеймом выступал на арене, но провидение и тут оказалось непредсказуемым. Кто бы мог подумать, что именно здесь, вдалеке от дома, встречу человека с родной планеты, который станет мне не только другом по несчастью, но и братом по крови. С ним – Андреем, мы выступали вместе на арене, бились плечом к плечу, когда Великий Император свёл нас друг против друга в смертном бою, но ни я, ни Андрей не уступили друг другу. Мы оба выжили. И за храбрость, и упорство, непревзойдённую стойкость, и честь, получили заслуженную свободу, почёт и славу, и сейчас я направляюсь к нему, своему названному брату.

Удобно расположился, помахал внучке, и две повозки, снаряжённые для поездки в столицу, выдвинулись из ворот. Выезжая из своей усадьбы я, как оказалось в последний раз, окинул взглядом свою челядь и караван двинулся в путь.

В дороге я размышлял, почему Андрей прислал гонца и попросил срочно прибыть к нему в столицу. Может, что случилось у него в школе бойцов, которую он держал, или... много или не давали мне покоя. Всю дорогу я вспоминал, размышлял. Эх, много лет минуло с нашего знакомства, но до сих пор, кроме Андрея, чья роковая судьба, как и меня, закинула в неизведанную даль космоса, выдернула с родной планеты, побросала по звёздным дорогам в бескрайнем космосе и оставила здесь, на планете без возможности вернуться назад, лучшего друга так и не было. Что нам пришлось пройти, пережить и не передать словами. Было и невероятное приключение, сражение в войне по разные стороны противоборствующих сторон. Я сражался за Альянс, Андрей за Планетарный Союз. Но одно нас связало – это то, что мы оба оказались в неизведанном секторе Великого Космоса на планете, которая не сразу, но приняла нас.

Будучи рабами, плечом к плечу мы выходили на арену, сражаясь на глазах у изумлённой публики, а изумляться было чему. Взрослые аборигены на две головы выше нас, не говоря о физических кондициях. Из-за этого меня с Андреем прозвали «недомерками», но мы, эти недомерки, доказали, что не только в росте дело. Когда Великий Император, да будет его путь к предкам вымощен гладкими камнями, повелел нам сойтись в смертном бою, никто из нас не уступил друг другу, и мы оба получили медальоны свободы, не считая солидной претурны. Но, это было так давно, что память потихоньку сглаживает остатки воспоминаний, давая волю полёту фантазии.

Ехать долго. Дорогой я перебрал множество версий, но так ответа и не нашёл. В прошлую нашу встречу мы договорились, что он придет ко мне погостить на несколько дней, когда окажется рядом вместе с бойцами, но, наверно, что-то случилось. Я сидел, прислушиваясь к своим ощущениям, которые не находили объяснения его просьбе.

– Хозяин, приехали, – разбудил меня тихий голос слуги.

– Нас не встречают? – удивился, что во дворе усадьбы, где проживает Андрей, нет никого. Не слышно звуков тренировки, не видно его бойцов, которых он до сих пор сам тренирует, только несколько слуг помогают распрячь лошадей. – Миронис, узнай, где хозяин?

– Господин, вам лучше самому спросить, – покорно произнёс слуга, сопровождая идущего рядом пожилого мужчину. Когда он подошёл ближе, я узнал в нём когда-то великого бойца, с которым ни мне, ни Андрею, так и не удалось помериться силами на арене.

– Господин, – начал подошедший.

– Я не господин тебе, Миромосамо...

– Помню..., но не всё, – тут он запнулся, как бы подбирая слова. Мне было тяжело смотреть на когда-то великого бойца, который только своим видом наводил страх на соперников, умело орудуя своим копьём. А сейчас Миромосамо постарел. Память его сдаёт, хоть и младше меня он лет на пять, но он уже не помнит, что Андрей выкупил его у прежнего владельца, дал свободу и поручил помогать готовить бойцов, что не отнять, а с оружием, славный боец, до сих пор управляется знатно.

– Где Андреус? Он за усадьбой? Почему никого нет? – взял инициативу в свои руки.

– Андреус за усадьбой, пошёл по дороге к предкам.

– Кого-то хоронят? Неудачно вернулись с турнира?

– Боёв давно не было, уважаемый Андреус...

– Господин ушёл по дороге к предкам, его провожают, – вмешался в разговор другой слуга, который закончил помогать распрягать повозки, – все там, на холме, где находят последнее пристанище бойцы.

«Андрей умер? Но, ему, сколько лет? Примерно, как и мне! В прошлый раз он не говорил, что плохо себя чувствует. Был весел, шутил, даже, на спор ретурну выполнил», – думал я, идя к месту, которое указал слуга.

Вся школа, все его бойцы, стояли с оружием в руках, равномерно ударяя, кто мечом о щит, кто меч о меч. Тихий, пронзительный звук разносится над холмом. На возвышенности укрытое покрывалом лежит тело Андрея. Я сразу не понял, кто лежит, но присмотревшись, в похулевшем, высохшем теле узнал его.

Ритуал проводов для меня прошёл как в тумане. Я долго ещё стоял над его могилой, не веря, что не успел. Теперь понятно, почему он послал гонца, почему просил приехать к нему, как можно скорее. Болезнь, которая сжигает изнутри, поразила его. Он чувствовал, что его дни сочтены. Местная медицина и не знает такого названия, но это очевидно...

– Уважаемый Павлос, – вывел меня из раздумий знакомый голос.

– Что, Ситирна?

– Тризна готова, вас ждут.

– Я чуть позже подойду, – машинально ответил я, но вспомнил, что подошедший являлся ещё и лекарем в школе, – послушай, Ситирна, как долго болел твой господин?

– За две недели погас. Я ничего не смог сделать, но он знал, что его зовут предки. Господин послал за вами, а если сказал, не успеет уважаемый Павлос прибыть, просил передать вам шкатулку. Она у него в комнате.

– Спасибо, Ситирна, я скоро подойду.

– Вам принести сюда шкатулку?

– Да, принеси, – немного подумав, ответил я, – и не ждите меня, я здесь побуду. Попрошаюсь, помогу пройти дорогой, которая предначертана каждому, кому раньше, кому чуть позже.

– Хорошо, господин, прикажу принести.

Ждать долго не пришлось. Слуга принёс шкатулку и, откланявшись, удалился. Я долго не решался открыть принесённую вещицу. Что внутри? Сокровенные тайны, которые он не решался доверить, пока был жив или...? Сколько просидел, держа в руках шкатулку, я не помню, только когда на небосклоне появились две луны и небосвод осветился хоть и тусклым, но равномерным светом я открыл крышку. Внутри, как и ожидал, десяток листов мелко испи- санных дрожащим почерком:

«Брат мой, Павел. Если ты это читаешь, то я не дождался тебя и пошёл в свой последний путь, не попрощавшись. Но не переживай. Такова судьба каждого, кто родился. И не вини моего лекаря, он не виноват. Меня не отравили, а сам знаешь, что за болезнь, от которой всё горит внутри, хочется лезть на стену, или выдрать клочок из своей груди в порыве приступа боли...

Мало времени у меня осталось, так что слушай и запоминай. Будучи в столице, я неоднократно слышал о чудесных, как здесь говорят, явлениях огненных шаров. И не смейся, я не сошёл с ума. Здесь, на этой планете появились, как у нас с тобой говорили, неопознанные летательные объекты, их стали видеть примерно пять лет назад. Я сначала не обращал на это внимания, думал, что это шутка или проделки какого-то продвинутого алхимика или лекаря, но месяца два назад я сам это увидел. Поверь, это именно то, о чём ты подумал – это летательные аппараты.

В тот день я был один, прогуливался по усадьбе, выбирая место для закладки нового здания и не удержался, пошёл вслед за ним. Я видел место, где он завис, такой светящийся, с правильными чертами шарообразной формы. Видел испускаемый из него луч, который пронзил меня при манёвре, наверно, эта болезнь, которая так быстро прогрессирует и есть результат того воздействия. Не знаю, может и так, но слушай дальше.

Как знаешь, я приземлился высоко в горах и моя спасательная капсула, считай, осталась неповреждённой. Я долгие годы собирался к ней вернуться, но как-то не до этого было. В ней остался аварийный маяк, не знаю, рабочий он или нет, и насколько хватит батарей для автономной работы, но думаю, ты что-нибудь придумаешь и запустишь его. Проверь, если маяк сломан, придумай, как его починить, я в этом не сомневаюсь. Не откладывай надолго, думал,

что мы ещё с тобой увидимся, и вместе отыщем мою капсулу, но, наверно, не судьба. Выполни мою просьбу. Найди аварийный маяк. Карта на отдельном листке, вроде, всё понятно тебе нарисовал, сверялся с теми картами, которые есть у меня. Возьми их с собой, они в шкатулке с жёлтой крышкой.

Ещё, брат. Ты иногда, шутил надо мной, почему я так и не женился, но на то есть причина: я не могу иметь детей. Когда спускался в долину после падения, пришлось сбросить скафандр – элементы питания иссякли, а вокруг холод, вот и застудился. С женщинами это не мешало, но детей...

Ты понял меня, брат. Не обижайся, что не всё тебе сразу рассказал, а только на старости...».

Я читал, перебирая мелко исписанные листки и сожалел, что так и не успел в последний раз поговорить со своим единственным другом, с тем, с кем связала меня судьба крепче морского узла, крепче, чем сварочный шов, с тем, с кем я дал клятву крови, став братом.

«...Зная тебя, свою школу я завещал своему старшему мастеру – Ритонару. У него получится, а тебе, мирному человеку, она ни к чему. Объяви это ему. И ещё, если тебе удастся вернуться, если хоть не на Землю, то назад, в космос, выполни мою последнюю волю. Я знаю, что тебе война, сражения, битвы не по нутру, но ты принял правила игры, которые нам навязала злодейка судьба. Мы прошли вместе путь, который нам она отвела, но, прошу, прекрати войну между Альянсом и Планетарным Союзом. Понимаю, что это невыполнимо, но хоть попробайся. Это моя последняя воля. Выполни. Может, получится. Война, смерть – хватит, навоевались».

Я сидел на холме рядом с могилой своего друга и слёзы текли по моим щекам, может, я стал сентиментальным, или старость берёт своё. Но я сидел и вспоминал, как Андрей, приезжая ко мне в усадьбу, играл с моей внучкой Викторией, как привозил ей игрушки, сделанные им из дерева. У него это хорошо получалось, он говорил, что ещё на Земле хотел стать мастером-краснодеревщиком, но судьба распорядилась по-иному, он стал солдатом – хорошим солдатом. И только теперь я понял, почему Андрей постоянно отшучивался по поводу моих, иногда, ехидных замечаний из-за отсутствия у него детей... Как же я был не прав! Нельзя укорять за то, причину чего не знаешь, но... дело прошлое.

– Хорошо, друг мой, брат по крови, – тихо произнёс, вставая на ноги, – я исполню твою последнюю волю, найду твою спасательную капсулу. Если получится, передам весточку, а нет – не обессудь. Силёнок мало, старею и, прости меня за всё.

До рассвета я простоял, склонив голову над могилой Андрея, мысленно повторяя слова с просьбой о прощении, повторяя написанные им в завещании указания, когда меня кто-то тронул за плечо.

– Хозяин, вы в порядке?

– Что? – не понимая, спросил я.

– Господин, простите меня, – с поклоном заговорил Миронис, – я пришёл позвать вас на тризну, но вы стояли, не шевелясь, что-то еле слышно говоря. Я не решился вас потревожить, но уже рассвело. Вы так полночи простояли.

– Всё хорошо, Миронис. У меня сейчас есть дела, а потом мы поедем дальше, на северо-восток, это последняя воля уважаемого Андреуса, я дал клятву её исполнить.

– Возвращаться в усадьбу не будем? – понимающе спросил слуга.

– Нет, возвращаться не будем, – недолго подумав, ответил я.

«Если вернуться назад в усадьбу, это потеряю месяц, не меньше. Потом начнётся сезон дождей, а там и зима скоро. Тем более, сейчас я ближе к конечному пункту, чем от своей усадьбы, а откладывать на год то, что можно хоть попытаться выполнить сейчас, неразумно. Годы берут своё, неизвестно, что станет со мной через всего лишь один год. И не факт, что отпустят мои домочадцы», – ухмыльнулся последней мысли.

– Господин, позвольте сопровождать вас, – повозка, на которой я с ещё тремя своими слугами намеривался пойти дальше, выполняя просьбу Андрея, стояла запряжённая и готова к отправлению. Брать с собой в путь две повозки я посчитал неразумно. Оставил только одну, а другую, отправил назад в усадьбу, чтоб успокоили домочадцев и передали мои слова, чтоб не волновались. Соответственно брать с собой всех слуг надобность отпала. Хватит и троих, самых преданных и верных. Среди них и бывшие бойцы, за выступлениями которых я следил, а сейчас, Ритонар, когда я исполнил последнюю волю и завершил формальности с передачей ему школы уважаемого Андреуса, не отходил от меня ни на шаг, навязываясь поехать вместе со мной. Он настаивал в сопровождении если не лично, то предоставить пару действующих бойцов, не столько для охраны, сколько в знак признательности, что едет не просто какой-то уважаемый господин, а в прошлом великий боец, получивший медальон из рук самого Великого Императора.

– Не надо, Ритонар. У тебя сейчас много дел. Школа Андреуса, как слышал, давно не принимала участия в турнирах. Тебе необходимо тренироваться и вновь завоёвывать и доказывать славу школы, добытую твоим господином, да будет его путь вымощен гладкими камнями, а путь у меня, хоть и не близкий, но непреодолимых трудностей я не вижу.

– Уважаемый, – не унимался Ритонар, – в пути может всё что угодно случиться. Повозка сломается, разбойники или дикие звери нападут.

– О разбойниках я не слышал уже давно, а с дикими зверями мы справимся. Те, с кем я продолжу путь, ты их знаешь, это в прошлом хорошие бойцы, не раз выходившие на арену. Я в них верю.

– Но, господин...

– Не спорь. Пора отправляться, путь долгий. На обратном пути я заеду. Постарайся порадовать меня успехами школы, которую тебе доверил уважаемый Андреус – Великий Воин.

– Хорошо, господин. Будет исполнено, – нехотя ответил Ритонар.

– И не называй меня господином. Теперь ты сам господин, а это не только великая честь, но и большая ответственность...

Повозка тронулась. Мне вместе со слугами, язык не поворачивался назвать их рабами, предстояло преодолеть длинный путь. Сначала на север от столицы, а затем на восток к горному хребту.

Белоснежные шапки горных вершин давно манили нас, иногда, когда останавливался у Андрея, мы с ним вечерами обсуждали, строили планы, что когда-нибудь доберёмся до места его падения, посидим, вспомним былое, а может и найдём, что интересное. Но как-то не сложилось, не получилось выбраться нам вместе. И сейчас вместе с попутчиками, еду тем путём, о котором так часто я с моим братом говорил, строя планы. Иногда думал, а что если найти свою спасательную капсулу, но никаких сведений о ней так и не нашёл. Она так и утонула в безбрежном океане, когда приводнился на эту планету...

– Миронис, выбирай место для ночлега, – скомандовал я, видя, что мои попутчики вымотались от долгого перехода. Мы едем уже вторую неделю, постепенно удаляясь с оживлённой дороги. Всё меньше и меньше навстречу нам попадают путники, спешащие по своим делам, а впереди нас ждёт только один населённый пункт, где планирую пополнить запасы провианта, приобрести тёплые вещи и нанять проводника в горы. Долгий путь мы преодолели, хорошо, что карта, составленная Андреем, оказалась достаточно точная, и нам не пришлось плутать по многочисленным тропам.

– Господин, чуть дальше есть хорошая поляна, на которой можно расположиться.

– Так и поступим. На следующий день мы дойдём до окраины провинции Ситномара селения Унгинора, где и передохнём, а пока, готовьте ночлег.

Поляна и вправду оказалась удобная. Недалеко от дороги, окружённая с трёх сторон густым лесом, но главное, через чащу леса протекал ручей, где можно набрать воды и

обмыться. Первым делом разбили лагерь. Разгрузили повозку, распрягли лошадей. Двое слуг пошли за водой, а я вместе с Миронисом остался присматривать за лагерем. Жёсткого разделения: я – господин, вы – рабы, у меня не было, но, уважая мой почтенный возраст, слуги оберегали меня от излишнего напряжения и работы. Иногда мне казалось, что я ребёнок, за которого всё делают семь нянек, но побывали бы вы на моём месте. Там, где я оказался, дожить до шестидесяти местных лет это хоть и невеликая удача, но видя, в каком состоянии к этому возрасту подходят аборигены – становятся немощными, с плохой памятью, хроническими болячками, прям, дрожь берёт. «Неужели это ждёт и меня», – думал я, но обошлось. Выгляжу по местным меркам хорошо, в своём уме, иногда даже практикуюсь в искусстве владения мечом. Всё-таки к местной силе тяжести привыкнуть трудно, и приходится держать себя в тонусе, конечно, не как в бытность мою на Земле космонавты на орбитальной станции, которые постоянно, каждый день выполняют физические упражнения, чтоб по возвращению назад мышцы вконец не атрофировались, но дополнительную нагрузку телу давать приходится.

– Господин, я пойду, посмотрю, что-то их долго нет, и шум какой-то непонятный послышался, – встрепенулся Миронис.

– Посмотри, если что, кричи, – ответил, не придав значения настороженному голосу своего слуги. В такие дали я никогда не забирался, ни будучи бойцом, ни став господином. Но за всё время пребывания на планете я не слышал о нападениях разбойников, пожалуй, кроме одного раза, но тот разбойник и не разбойник вовсе, а...

Из-за кустов на поляну выбежал один из моих слуг, вслед за ним, запыхавшись, выскочил Миронис.

– Господин, модрина вокруг ходит. Варновас остался проследить за ним, если получится увести его от места нашей стоянки, – быстро, но шёпотом проговорил Миронис.

Я встал, извлёк из повозки свой меч. Не люблю носить его постоянно с собой и по статусу господина не положено ношение боевого оружия. Я же не солдат, или боец школы, или наёмник. Но услышав страх в голосе своего слуги, напрягся. Модрина – это местный медведь, хозяин лесов и предгорий. Я несколько раз видел в домах господ, у которых бывал в гостях, его шкуру и она произвела впечатление. Представьте: под три метра тушка в холке, весом на вид не меньше пяти центнеров, с когтями, как у меня пальцы, но главное, как рассказывали – это быстрые и ловкие звери. На зря его называют царём зверей. Как же мог забыть об этом! Дикая звери не знают дорог, не знают, кто перед ним находится, господин это или ещё кто, ему всё равно, а если зверь ранен, или голоден, то можно ожидать всего чего угодно.

– Встаньте в круг, разожгите сильнее огонь, – приказал, обдумывая наше положение. Нас трое. Все мы умеем держать в руках оружие, но в руках у нас только меч, который против такого зверя всё равно, что зубочистка. – Выломайте жердь из повозки и заточите её, – продолжал отдавать приказы, уже слыша злобный рёв и нечеловеческий крик, где-то в чаще леса.

– Это голос Варноваса, – произнёс Миронис.

– Скорее, готовьте жердь, – и, не дожидаясь, когда меня послушают, забрал у слуги длинную, метра на три жердину себе, и принялся быстро обстругивать её своим мечом. Я понимал, что жердь, это не рогатина, с которой ходят на такого зверя, но лучшего ничего не было, а готовить, подбирать, выстругивать из другой больше подходящей в качестве рогатины жердины оружие, времени не было.

Вновь раздался нечеловеческий крик полный боли и отчаяния. В услышанной нечленораздельной речи я ничего не понял. Хорошо, что лошади стреножены, хоть и мечутся, но убежать далеко не смогут. Если нам не удастся прогнать зверя, то и бедным лошадам несдобровать, но это уже другой вопрос.

– Скорее! За мной! – скомандовал, идя по направлению, откуда в последний раз слышались крики. Мои слуги пытались меня обогнать, но у них ничего не получалось. Я, с жердиной

наперевес, брёл вглубь чащи, всеми фибрами души ощущая опасность, исходящую от приближающегося зверя.

– Он ранен, вон кровь, – сказал кто-то из слуг.

– Это может и кровь Варноваса. Скорее!

Пройдя сотню метров невдалеке от ручья, где берёт своё начало родник, увидел, как вокруг тела бедняги кружится зверь, то вставая на задние лапы, то с силой кидая всё тело вниз. В тусклом свете заката я рассмотрел, что в его левом бедре торчит рукоять меча, причиняя ему нестерпимую боль.

– Осторожней, он ранен, – сказал кто-то позади меня. И этот тихий, еле слышный шёпот зверь услышал, обратив свою тушку в нашу сторону. Рёв оглушил, как будто царь зверей провозглашал на весь лес, на всю его территорию, что он мало того, что недоволен нашим присутствием, но и готов идти, атаковать, защищая свои владения.

– Разошлись! – только и успел выкрикнуть, как на меня понеслась, вздымая шерсть на загривке, разевающая устрашающих размеров пасть, тяжеловесная машина убийства, состоящая из плоти и крови влекомая звериными инстинктами.

– Помогайте! – успел выкрикнуть, как зверь напоролся на жердину и под своей массой сломал её, а я только успел отпрыгнуть в сторону, уклоняясь от размашистого удара лапой. Слуги не сплеховали и перетянули атаку на себя. Я в это время вынул меч и мы, окружив зверя, каждый атаковали со спины, стараясь не попадать под увесистые удары лапой. Зверь ревел, вздымался на задние лапы, атаковал, рыча, не обращая внимания на наши потуги. Как не повторить, но меч против такой тушки – плохое оружие. Радовало только одно, что сломавшаяся жердина застряла у него глубоко в брюхе, чем доставляла зверю немалые неудобства. Оставалось только дожидаться, когда он выдохнется, истечёт кровью и тогда нанести решающий удар. Но, как же быстр зверь, изнемогая от боли, он продолжает атаковать, невзирая на раны.

– Все назад, зверь готовится к прыжку, – не успел выкрикнуть, как зверь, припав на задние лапы, делая вид, что устал, в невероятном прыжке преодолел пару метров, отделяющих его от человека, и одним мощным ударом лапы откинул моего слугу куда-то в кусты.

– Миронис! Стой!

Но мой верный слуга бросился на зверя, атакуя сбоку. Я последовал за ним и атаковал с другой стороны. Зверь кружился, уже не вставая на дыбы, но сила и его жажда жизни поражала. Он, истекая кровью, продолжал наносить хоть и редкие, но ответные удары, не давая нам подобраться к нему вплотную для нанесения завершающего удара.

Глава 2

Въехал в селение поздно вечером. Один слуга погиб, а двое других ранены. Мне пришлось не везти с собой тело погибшего, а похоронить его там, на поляне. Сейчас, после принятой ванны, я сидел за богато уставленным столом и выслушивал рассказы старшины селения. Они меня напрягали. Я выбился из своего плана, который наметил, ещё находясь в усадьбе друга. Тот бой с модрина совсем не вписывался в него. Считаю, потерял всех слуг, сам измотался, устал, но я восстанавливаюсь быстрее, чем местные аборигены. А ещё закон гостеприимства. Меня приняли как дорогого гостя, и теперь я должен или рассказывать о своём пути, или слушать рассказы хозяина, теряя на это драгоценное время.

– Как мои люди? – оторвавшись от трапезы, задал давно мучавший меня вопрос.

– Не беспокойтесь, ими занимается лекарь. Он говорит, что через неделю поставит их на ноги. Отдыхайте. Вкусите те скромные яства, которыми богата провинция Ситномара. Уважаемый Павлос, позвольте предложить вам ночлег и посильную помощь. Я ещё совсем молодым юношей впервые услышал оду в вашу честь, не примите за навязчивость, но примите в дар троих моих рабов, – старшина Крунарис ударил в ладоши и в зал, где мы восседали за столом, вошли двое мужчин и одна женщина, все они хорошо слажены, молоды и полны сил.

От льстивого, заискивающего голоса старшины селения Угнинора меня воротило, но мне необходимо время восстановиться и, как ни странно, его помощь.

– Благодарю вас, уважаемый Крунарис, ваша щедрость не знает границ, но позвольте отказаться от вашего подарка. Лучшим знаком признательности от такого знатного господина, как вы, – и тут меня понесло, – будет предоставить мне проводника в горы. Хочу посмотреть на красоту ваших мест с высоты, почувствовать то, что описывают ваши великие поэты, которые славятся на всю Империю.

– Что вы, что вы, уважаемый. Не отказывайтесь от подарка, а проводника я вам и так предоставлю. Красота наших мест воспета не только местными поэтами, но и сказителями призванными ублажать слух Великого Императора, – голос старшины изменился, принимая горделивые нотки.

«Не отвяжется наверно, ладно, приму его подарок и отправлю, как только поправятся мои слуги назад, в усадьбу, а сам с проводником продолжу путь. Ждать больше нельзя. Скоро зима и мы не дойдём до места», – в голову пришла подходящая мысль. И в правду, что тянуть. Через два дня я вместе с проводником выдвинусь по маршруту. Мои люди пусть отлежатся, придут в себя, а как только смогут перенести дорогу, так пусть вместе с подарком возвращаются в усадьбу. Не думаю, что в горах я буду дольше пары дней, но если не вернусь до их отъезда, то нагоню потом. Дорога-то длинная.

– Благодарю, я принимаю ваш дар, – ответил, осматривая рабов. Молодые, полны сил, в глазах нет ни злобы, ни страха, но и слепой покорности я не заметил. Хорошие слуги. Возможно, из кого-то из них получится хороший помощник моему управляющему. Как раз весточку передам дочери, а внучке, как помощница-служанка подойдёт молодая девушка, скромно стоявшая чуть в стороне от остальных рабов. – Когда смогу отправиться в горы?

– Уважаемый Павлос, как только скажете, что готовы продолжить путешествие, но позвольте мне сначала подготовить ваш караван.

– Каравана не надо. Пойдём я и проводник. Всё что нужно понесём на себе...

– Извините, уважаемый, но вы наверно не знаете здешних расстояний, – ухмыльнулся старшина, видно ему доставляла радость быть в чём-то осведомлённее, чем житель центральной части Империи, которым он считал меня. – До подножия горы, к которой вы направляетесь, вам предстоит пятидневный переход, а ещё подъём. Хоть и не на вершину, но продукты,

тёплые вещи. Знаете, в горах холодно и земля покрыта таким белым, холодным покрывалом, который как раз встречается только в горах.

«Это он о снеге что ли? Думает, не знаю, что это такое? Хотя, пять дней, если только до подножия – это долго».

– Вы правы, – согласился, после раздумья, – с караваном пойду до подножия, а потом вдвоём с проводником. Так будет быстрее.

– Совершенно верно! Правильное решение, уважаемый. Караван подождёт внизу, пока вы насладитесь великолепным видом, который откроется вашему взору!

«Радость, с которой была сказана последняя фраза, меня удовлетворила, видимо он не в первый раз организует такую экскурсию, прям зачатки экотуризма», – ухмыльнулся я.

– Миронис, не перечь хозяину! – не выдержал, когда в очередной раз отказал слуге сопровождать себя. Он ничего и слышать не хотел, чтобы остаться в селении, а потом через оговорённый срок отправиться назад в усадьбу.

– Но господин, я уже поправился, – не унимался он.

– Хорошо, что поправился. Тебе важное поручение: когда выздоровеют остальные, доставь подарок уважаемого Крунариса в усадьбу, передай послание моей дочери и преподнеси подарок внучке. Я вас догоню, но не тормозите своё продвижение, двигайтесь так, как бы я был с вами. Денег оставил достаточно и, выполняя приказ господина!

Под разочарованные и недовольные взгляды оставшихся в селении моих слуг караван двинулся к подножию горы. Меня удивило, что вместе со мной в путь отправилось две повозки и десяток вооружённых рабов. И только через пару дней понял, в чём дело.

Провинция Ситномара расположена на границе Империи, а соответственно и набеги выходцев диких племён, случались нередко. На селения они не нападали, промышляя разбоем на дорогах. Некоторые из них сбивались в группы и шли в наёмники. По дороге нам попала одна такая группа из пяти плохо вооружённых, ищущих славы пришлых. Но видядвигающийся в походном порядке хорошо вооружённый караван, они не решились нападать, а только один, наверно, старший из них вышел к нам навстречу.

– Не ходите дальше! Там, когда солнце прячется с небосвода, а на стражу ночи выходят Динтра и Вентра в небе появляются небесные огоньки...

– Уступи дорогу! – крикнул кто-то из моих провожатых.

– Стойте! Подойди ко мне, – предупреждение неизвестного, меня заинтересовало, и я остановил караван, желая поговорить с ним. В его голосе услышал неподдельный ужас и страх, хотя вышедший на дорогу не выглядел трусом. Его испещрённое множеством небольших шрамов лицо, грубые ладони, сжимающие массивную, сделанную из обломка дерева дубину не давали усомниться, что этот человек вышел победителем не в одной схватке. – Расскажи, что видел.

– Я видел немного, – тут он сделал знак и из кустов вышли ещё четверо, встали рядом с ним. У каждого было оружие в руках. Мои провожатые насторожились, но в действиях неизвестных не увидел угрозы, и я спустился с повозки, приказав разбить лагерь...

– Зовут меня Итракис из рода Родана. Со своими людьми иду наниматься к Великому Императору, да продлятся его дни, – продолжил свой рассказ Итракис, – родом мы из далёкой Трониарии, которая расположена за морем. Сначала промышляли охраной торговых судов, но когда корабль потерпел крушение, а нам семерым, выброшенным на незнакомый берег ничего и не осталось, как выбирать: податься в разбойники или послужить Великому Императору, в земли которого нас закинули волны великого моря. Идём мы пятый день, промышляя охотой. По пути встретили много незнакомых зверья, но такого, что увидели две ночи назад, не забыть никогда...

Я внимательно слушал рассказ Итракиса. Он иногда сбивался с ровного повествования, переходил на эмоции, иногда подзывал к себе кого-то из своих путников для подтверждения своих слов, видя, что мои провожатые не верят ему, но в его словах было то, что я хотел услышать.

– ... в тот раз мы расположились на ночлег поздно вечером в двухдневном переходе отсюда. Много прошли, но охота выдалась неудачной, – запинаясь, продолжал Итракис, – ночью я всегда оставляю присматривать за огнём, чтоб дикие звери не подходили близко, когда отдыхаем. Третьему выпала участь дежурить Тогнароку из рода Голдариса, да будет путь его к предкам лёгок. Поздней ночью он разбудил меня, сказав, что видел, как по небу плывёт светящийся шар, испуская зеленоватое свечение. Я не поверил. Тогда он, нарушив мой приказ, ушёл чтоб доказать свою правоту. Он был молод, горяч... Думал, ему по нужде надо и я остался поддерживать огонь, когда невдалеке сверкнуло ярким зеленоватым светом, осветив всё вокруг, как будто десяток солнц взошли одновременно на небосклоне. Я испугался, упал на землю, прикрыв глаза руками. Только утром мы нашли его вещи и не там, куда он уходил.

– Тело нашли?

– Нет, господин, не нашли. Всё обыскали. Только его сумку и нож отыскали, но трогать не решились. Он пылал жаром, светился тем мерзким зеленоватым светом, что никто из нас не посмел к нему прикоснуться. Мы прикопали его землёй, и пошли дальше.

В благодарность о предупреждении отдал приказ их накормить и выдать немного припасов для продолжения пути, что провожатые хоть и нехотя, но выполнили.

Продолжая путь, всё думал о встреченных незнакомцах: «Из них получатся хорошие наёмники. Не побоялись выйти, открыться перед встреченным хорошо вооружённым караваном. Поведали весть, о которой и слухов по земле мало ходит. Но что делать дальше? Куда идти? В то место, куда намеривался, или выдвинуться к месту последней встречи с космолётом. Язык у меня не поворачивается его назвать «неопознанный летательный объект». Какой он неопознанный, если я на нём летал. Меня на таком типе аппарата увезли с родной планеты, а что он выглядит как шар, так все исследовательские аппараты шаровидной формы, может это кенгиры? Эти пройдохи везде стремятся быть первыми, особенно в исследовании новых планет, если только...».

– Господин, темнеет. Задержались мы, не успели дойти до подножья, – вывел из раздумья сопровождающий, – позвольте остановиться и разбить лагерь. В темноте продолжать путь тяжело.

– Далеко ещё?

– Нет, господин, сегодня б дошли, но задержались с наёмниками. Полдня пути осталось, а дальше только вверх.

Солнце клонилось к закату, прячась за виднеющейся невдалеке горой. Но видимая близость цели путешествия не обманула. По опыту знаю, что горы крадут расстояние. Если думаешь, что до них рукой подать, то идти придётся полдня, минимум. Осмотрел сопровождающих. Устали все, лошади, люди, а я умаялся от безделья.

– Разбивайте лагерь. Пройдусь, ноги разомну. Поблизости есть река или ручей?

– До родника не дошли шагов тысячу, воды у нас достаточно. И, господин, далеко не уходите. Здесь и заблудиться можно. Позвольте вас сопроводят.

– Хорошо, пройдемся.

Пройти тысячу шагов в одну сторону, невелика задача. Дойду, обмоюсь и назад вернусь, как раз к разбитому лагерю и приготовленной горячей пище...

«Эх, как же хороша прохладная, стекающая с вершин гор водица. Бурный поток уже утратил силу, берущуюся где-то высоко, среди снега и льда. Вокруг стоит жара, а ты окунулся в воду и, прям, мурашки по коже побежали, и скорее выбираться, чтоб не замёрзнуть!» – мыс-

ленно радовался, когда вместе с назначенным в сопровождение бойцом, возвращался назад от ручья. Давно я не окунался в ледяную воду, а где её взять в жарком, сухом климате?

– Господин, мы наверно заблудились, – прервал мои мысли сопровождающий.

Действительно, за радостью от купания в холодной воде не заметил, как мы прошли не менее двух тысяч шагов, но к лагерю так и не вышли. Вот, я помню это сломанное дерево, которое попадаете если не третий, то второй раз, точно. Это что, мы кругами ходим?

– Ничего подозрительного не замечаешь?

– Нет, господин.

– Слишком тихо, как будто лес вымер, и слишком быстро потемнело, – сказал, стоя возле поваленного дерева. Мрак ночи и вправду спустился быстро. Буквально полчаса назад местное светило начало скрываться за краем небосвода, уходя в закат, как сразу наступила темень. Местные луны не вышли из-за горизонта, а солнце уже спряталось. На моей памяти это первый такой случай. За всё время пребывания на этой планете я не помнил, когда на небосклоне не было или солонца, или хотя бы одной луны, света которой вполне хватало для того, чтобы распознать в десятке шагов человека, не только его силуэт, а и черты лица.

Сквозь кроны деревьев понять, что происходит, не получалось. Я стоял, задрал голову вверх пытаюсь увидеть небо, но темнота всё сгущалась.

– Господин, что делать? – испуганно произнёс сопровождающий.

«Хороший вопрос, – думал я. – Если попробовать вернуться назад к ручью, впрочем, как и продолжать бродить в кромешной темноте пытаюсь отыскать дорогу к лагерю, это всё равно, что искать чёрную кошку в тёмной комнате, особенно, когда её там нет. Остаётся два варианта: поднять шум, призывая к себе, но тем самым можно привлечь непрошенных гостей – диких зверей, а мне так не хочется с ними встречаться и, памятуя о прошлой встрече с медведем, такой вариант я отмёл сразу. Второй вариант выглядел более предпочтительным: разжечь огонь и подождать пока не просветлеет, или не наступит утро, когда можно без труда отыскать дорогу».

– Привал. Разожжём огонь, подумаем. Может нас по отблеску костра и найдут, – в том, что меня уже ищут, я не сомневался...

Огонь костра мирно потрескивал, освещая небольшую поляну рядом с поваленным деревом. Гонтарин из рода Митога – мой сопровождающий, с которым за это время я успел познакомиться, оказался разговорчивым парнем. Ему двадцать пять лет, он из семьи крестьянина. Отец умер рано, а ему, как самому младшему, старшие братья и сёстры не оставили и малой толики наследства. Пять лет он ходил по Империи, ища своё счастье, пока не попал в провинцию Ситномара, где старшина селения принял его к себе на службу в стражу. Работа, говорит, непыльная. Каждый день с утра занятия с мечом, днём, сопровождение хозяина, а вечерами он свободен. Живёт, как понял в общежитии, наподобие казармы вместе с такими пока неженатыми холостяками, состоящими на службе у господина. За разговором, сидя облокотившись о дерево, я задремал, но сон у меня чуткий. Гонтарин говорил, говорил без умолку, а как он резко замолчал, так я сразу приоткрыл глаза и увиденное меня не порадовало. Возле моего провожатого стояли двое примерно моего роста, но самое главное – они были в скафандрах. Я обрадовался, думал, что нашёл тех, кого искал и, нет больше надобности, лезть в гору, искать спасательную капсулу, думать, как запустить аварийный маяк, но направленный на меня ствол неизвестного оружия быстро привёл в чувство.

Рефлексы сработали быстрее мысли. Я перекатом ушёл с траектории огня и спрятался за стволом соседнего дерева. Щёлкнул еле слышимый выстрел, заряд, выпущенный из ствола оружия, попал в то самое место, где я только что находился, освещая своей вспышкой небольшое пространство. Краем глаза увидел, что Гонтарин вроде живой, мёртвого ведь незачем скрывать чем-то наподобие наручников. От второго выстрела я только и смог, что спрятаться за толстым стволом дерева. Думал закричать, сказать на языке Альянса, чтоб не стреляли, а

выслушали, но не успел. Импульсный заряд достиг цели. Я чувствовал, как меня сковывают, чувствовал, как переносят, но не руками, а, вероятно, гравиплатформой, чувствовал, как укладывают на что-то жёсткое и всё это время я не мог пошевелиться или открыть прищуренные от яркой вспышки глаза. Потом, что-то вкололи, и приятная теплота растеклась по организму.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля, мы везём с собой кота. Ля-ля-ля, ля-ля-ля, а может быть и кошку!» – что за бред. Весёлая мелодия так и не выходила из головы, а сама крутилась не только на языке, а занимала почти всю мощь мозговой активности.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля, мы... соберись! Ля-ля-ля, ля-ля-ля, а может быть и...», – может, мне вкололи какой-то наркотик и это он так на меня подействовал?

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля..., привезли ещё вчера!» – мысленно выкрикнул я. Навязчивая мелодия стихла, органы чувств уловили сначала знакомый приторно-сладкий запах, потом до слуха стала доноситься так давно позабытая речь.

– Сколько сегодня?

– Четверо. Сейчас ещё двоих доставили. Один совсем коротышка какой-то, но наверно важная персона, смотри, что я у него нашёл!

– Золото?

– Ага, цельно золотой медальон. Переплавлю в слиток и продам.

– Что с ним делать, он не похож на всех, с кем встречались на этой планете.

– Как что, собираем анализы, образцы по полному спектру и в морозилку. Потом тела на ближайшей станции продадим. Пусть студенты на них тренируются вскрытие неизвестных биологических объектов проводить.

– Смотри, он шевелится.

– Брось. Я ему стандартную дозу психостимулятора вколол. Больше нельзя, сдохнет раньше времени, были прецеденты. Он, небось, сейчас кайфует, вот и дёргается...

– Всё, с этим закончили, давай последнего.

– Сейчас, отстегну только.

Я лежал, боясь пошевелиться. Только открыл глаза, чтоб осмотреться. Из того положения, в котором я находился мало что получалось рассмотреть: ровный жёлтый свет равномерно расстилался по помещению и, считай всё, больше, лёжа лицом вверх возле стены мне ничего не видно.

«Они что, при заборе образцов убивают пациента? И, кто это они?!» – вдруг мозг заработал на полную катушку.

Услышал, как ко мне кто-то подходит. Переводит в вертикальное положение, освобождает руки и, точно, вижу гравиплатформу. На ней, родимой, меня транспортируют к неприглядному виду широкому столу, рядом с которым на тележке лежат устрашающего вида инструменты.

– Может, вколешь ему ещё дозу?

– Зачем?

– Смотри, как у него зрачки бегают, не как у тех, кто под кайфом, а осознанно, как будто обдумывает что-то. Мне ещё Сержант сказал, что этот увернулся от двух его выстрелов, теперь...

– Ты больше слушай старого отставника. Знаешь, за что его из армии попёрли? Нет? Ну, так, знай – алкоголик он. Вот и выперли без выходного пособия, он...

Всё это время я лихорадочно соображал, что делать. Мышцы рук, ног пришли в норму. В помещении, больше похожем на операционную палату, но не такую, как в больнице, а как в пыточной камере. На полу кровь, ошмётки чего-то, не разобрать чего. Стоят два человека, даже язык не поворачивается их назвать людьми, но надо мной склонился именно человек в специфичной маске, прикрывающей часть лица, но глаза и половину головы видно хорошо. Я

не ошибся, это гуманоид человеческого вида, что не кенгир, это точно. Как только он подошёл ближе и занёс своё орудие, вроде скальпеля я, резким движением руки, растопырив пальцы руки, ударил его по незащищённым глазам. Следующим движением, соскочил со стола, прихватил с тележки с инструментами первую попавшуюся, длинную, узкую, на конце заострённую фиговину и метнул её во второго, но не попал.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля...», – как не вовремя! Тот, которого ударил по глазам, продолжает дико кричать, а сквозь прижатые к лицу руки у него тонкой струйкой течёт кровь.

– А-а-а! – что есть мочи закричал, чтоб прогнать навязчивую мелодию.

Второй садист схватил со стола какой-то инструмент и приближается ко мне. Пятясь назад, ищу, что использовать в качестве оружия. Пробую оторвать от пола стул – не получилось. На глаза попался пульт от гравиплатформы валяющийся на полу, наверно, его выронили, не ожидая моего внезапного сопротивления. Перекатом хватаю его с пола и направляю гравиплатформу на второго, активирую захваты. Тот замер, словно статуя. В его недоумённом взгляде читаю растерянность. Как это, какой-то туземец, не знающий, что такое электричество, нажимает кнопки, управляет неизвестным механизмом, действие которого основано на гравитационных волнах.

Гравиплатформа с разгона ударяет застывшего, опрокидывая на пол. Опускаю платформу на него, фиксируя в горизонтальном положении. Первый всё продолжает верещать, но я уже рядом. С силой бью его в затылок найденным среди инструментов молотком. Тело с шумом падает, а из головы торчит застрявший в черепе инструмент.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля... тополя!» – рявкнул я, что было сил, а сам опустился на пол. Меня колотило от избытка адреналина. Давно так не подвергал нагрузке свой организм. Даже во время встречи с медведем, я был не один, а со слугами, которые помогали, давали иногда так нужную передышку, но сейчас пришлось туго. Я сидел, прикрыв глаза, отдыхая, приводя свои мысли в порядок. Навязчивая мелодия не уходила, только звучала приглушённо, словно с краин сознания.

– Какой ретивый, ну ничего, сейчас Сержант придёт... – услышал еле слышный голос, доносящийся из-под гравиплатформы.

Я подошёл к прижатому платформой, и на стандартном общем языке, произнёс фразу, от которой у того глаза вылезли из орбит:

– Кто вы? Что делаете на планете и в этом секторе Галактики? – мой вопрос прозвучал, словно ушат холодной воды вылитый на сковородку с разогретым маслом. Пленник зашипел, завозился, пытаясь освободиться. Его лицо приобрело красный оттенок от напряжения:

– Мы, я... – глотая воздух, заикаясь, проговорил пленник, – а сам-то кто? – после неудачных попыток выбраться, произнёс он.

– Я, капитан Павел Кенгирский, гражданин Альянса, командир специального батальона, кавалер ордена Всех Звёзд, кавалер Ордена Основателя...

Не думал, что официальное, зафиксированное в Уставе вооружённых сил Альянса представление, произведёт такое сильное впечатление на пленника, но не успел я договорить, как тот отключился, потеряв сознание.

– Вот и поговорили, – сказал, вытирая пот со лба.

– Эй! Сонные мухи, что образцы не сдаёте? – раздалось по громкой связи, – сколько можно ждать!

И тут до меня дошло. Эти двое не одни на корабле, есть ещё как минимум один, которого они называли Сержантом. Именно он, как понял, стрелял в меня из парализатора и не исключено, что в составе экипажа есть ещё и другие. Что это за корабль, его тип, принадлежность я так и не смог определить. Осмотрел одежду погибшего и не нашёл ни шевронов, ни других знаков принадлежности к какому-либо флоту или организации. По одной комнате-каюте судить о типе корабля смешно, но с учётом того, что этот сектор Галактики очень далёк, то

думается, что это большой корабль рейдерского класса или, что также не исключено, где-то рядом находится корабль матка, классом не ниже авианосца.

– Лентяи! Сейчас приду и по шее вам дам, если не принесёте образцы. Что не отвечаете, сказать нечего? – вновь послышалось по громкой связи.

Ища подходящее оружие, я обошёл каюту, но кроме молотка, торчащего из головы убиенного, ничего подходящего не обнаружил. Придавленный платформой, всё также находился в бессознательном состоянии, а приводить его в чувство не решился. Надо сначала разобраться с остальными. Он зафиксирован надёжно и, шевелиться не может, так что пусть лучше пока полежит, потом допрошу.

Я стал сбоку у стены возле гермодвери. Ни о каких нормах приличия я не думал, намереваясь, напасть сзади, главное выжить. Пусть рассуждают знатоки, что атаковать сзади некрасиво, а где же честь, отвага, бросаться, вызывая на бой со словами: «Иду на вы». Мне не до этого, главное выжить.

Дверь тихо зашуршала и створка отварила, я занёс над головой медицинский молоток, и тут до меня дошло, что на входящем надет скафандр, да, не военного образца, лёгкой атмосферной защиты, который используют на планетах с агрессивной воздушной средой, но всё равно, это скафандр! Пробить его одним ударом невыполнимая задача. Он сделал шаг вперёд, остановился, повернулся в мою сторону. Через лицевой щиток в его глазах я увидел удивление. Ещё бы, в шаге от него стоит якобы абориген с отсталой планеты и сжимает в руках занесённый над головой молоток, а в каюте, достаточно только одного взгляда понять, что здесь произошла схватка и не на жизнь, а на смерть. На полу, возле операционного стола валяется окровавленное тело с проломленным черепом, кругом кровища, а второе тело виднеется из-под гравиплатформы и не подаёт признаков жизни. Рука неизвестного потянулась к поясу, где у него закреплены инструменты и оружие. Немедля, оттолкнулся со всей силы, наваливаясь всем весом тела и хватаю его руку, не давая дотянуться до пояса. Хорошо, что скафандр лёгкого типа, удаётся сбить его с ног, и мы кубарем катаемся по полу. Он что-то кричит в переговорное устройство. Времени у меня совсем нет, ещё несколько минут и всё – к нему подоспеет подмога, а я, если и вернусь домой, то только в виде пособия для студентов.

«Красота!» – думал я, орудуя молотком, надеясь, что навязчивая мелодия, покинула меня навсегда. Шум в голове прекратился, сознание прояснилось, а я продолжал бороться за свою жизнь.

Мы копошились на полу, я не давал противнику дотянуться до оружия, блокируя вялые попытки к сопротивлению. Хорошо, что скафандр такого типа не оборудован сервоприводами, а только наоборот затрудняет движения и я оказывался быстрее своего противника. Как только он немного замешкался, с размаху ударил молотком по лицевому щитку. Один, второй, третий раз. Его голова откидывается в такт наносимым ударам, бултыхаясь в шлеме, словно консервы в банке. Сопротивление прекратилось, а я всё наношу удары, пока не показались мозги бедняги.

«Надо спешить. Сейчас прибегут остальные, но сколько их? Десять, двадцать, а может быть остался только один или двое?» – этот вопрос волновал меня больше всего, но что-то тут не так. Присмотрелся, а кровь у поверженного не красного, а голубоватого цвета. «Я-то думал, почему он в скафандре, а оказывается, он не кислорододышащий. Как только треснуло защитное стекло, так он и обмяк – повезло».

– Тебе это не понадобится, – произнёс, отстёгивая со скафандра виброклинок. Проверил, работает. – Уже лучше.

Осторожно выглянул из каюты, осмотрелся. Коридор по обе стороны теряется за поворотами, три закрытые каюты и всё. Куда идти? Что делать, хотя, что делать, понятно, но, куда идти? Расположения кают, палуб, неизвестно, определить тип корабля не получилось, новая модель, наверно.

«Какой же я дурак!» – чертыхнулся в себя. Как мог забыть, что у каждого члена экипажа имеются коммуникаторы, через которые можно узнать местоположение и проложить маршрут к цели, а цель одна – капитанский мостик.

– Внимание всем! Боевая тревога! На палубе три непредвиденная ситуация! Контрабордажной команде блокировать сектор три, четыре и пять третьей палубы! – гулким эхом разнеслось по громкой связи.

– Успел! – шёпотом произнёс, когда вместе со срезанным с руки коммуникатором выско-чил из каюты перед закрывающимися на блокировку дверями.

«Значит, так. Если меня умышленно вводят в заблуждение, то дела плохи. Против группы контрабордажников я не потяну, но почему сообщение транслируют по громкой связи, а не по защищённому каналу? Насколько помню из Устава, передача по открытому каналу сведений, которые противник может использовать в своих целях, строго запрещены», – лихо-радочно соображал, осторожно пробираясь по коридору, коммуникатор показывает, что нахо-жусь именно на третьей палубе, в секторе четыре.

«Именно меня блокируют, кто бы сомневался, но зачем сообщать это по громкой связи? Или, не всё так плохо, или они думают, что не понимаю язык, что даёт мне небольшой козырь в рукаве».

Из-за поворота послышался шум. Остановился, хотел было открыть дверь каюты, но двери заблокированы, а шум всё приближался и приближался. Слышу гулкий топот, его ни с чем не спутать – это бегут облачённые в скафандры, и явно не лёгкого класса защиты, а в боевые, как минимум среднего класса.

«Бежать назад?» – мелькнула мысль.

«Может, удастся оторваться? Я передвигаюсь быстрее, чем облачённый в скафандр, но и защита отсутствует, и одного попадания не переживу».

Пока раздумывал, шум стих. Прислонился к стене и выглянул. Хорошо, что выглянул не на уровне груди, а припал на колени и осторожно высунул голову на уровне колена, как импульсный разряд на уровне головы снёс угол. Посыпались крошки. Немедля убрал своё удивлённое лицо за преграду и, сначала отполз, а потом побежал в противоположную сторону. Удивляться было чему. По мне вели огонь из крупнокалиберной винтовки, заряд которой при стечении обстоятельств, способен пробить легко бронированную цель.

«Они что, с ума сошли», – бежал, стараясь как можно быстрее скрыться за следующим поворотом. – «Это оружие применять в закрытом пространстве, тем более, внутри космиче-ского корабля. Один неточный выстрел и всё – разгерметизация!»

Как помнил из Академии и боевого опыта, такое оружие является снайперским и не пред-назначено для использования внутри космического корабля. Заряд, выпущенный из винтовки, разгоняется до таких скоростей, что приобретает гигантскую кинетическую энергию и спо-собен пробить броневую защиту лёгкого десантного бота насквозь. А тут, стрелять внутри корабля! Именно внутри, где нет массивных броневых листов, нет энергогасителей. Все эти системы защиты стоят с внешней стороны и состоят из двойного корпуса, образуя каркас. Пер-вый корпус – это броневые листы различной степени защиты, второй – предназначен гасить энергетическое оружие различной волновой структуры, вплоть до плазмы, а вот третий корпус, как раз и создаёт герметичность корабля, но он не имеет активной или пассивной защиты! В наставлении по абордажной и контрабордажной подготовке синим по белому выделено: запре-щено применение оружия способного пробить третий, герметичный корпус корабля, за исклю-чением случая выполнения задачи по выведению из строя внутренних электронных систем судна и, или с целью нарушить его целостность.

Прозвучал ещё один выстрел, но я уже спрятался за поворотом и снаряд, пробив насквозь угол, ушёл в противоположную стену. Заискрило, задымилось, повалил едкий желтоватый дым и, почти сразу освещение мигнуло несколько раз.

«Доигрался! Система корабля перезапустилась по аварийной цепи», – выругался я.

Освещение ещё раз мигнуло и потухло. Повалил едкий дым, сработала система пожаротушения, нейтрализуя ядовитое облако. Из-за наступившей темноты ничего не видно, только свет фонаря скафандра, рыща в темноте, медленно приближается.

Я притаился за углом, мысленно благодаря, что не потерял сознание от едкого дыма. Откашлялся и крепче сжал виброклинок. Сумасшедший в скафандре медленно приближается. Луч фонаря шарил в темноте, но не пробивает образовавшийся паровой туман. Система экстренной вентиляции почему-то не сработала. Мне оставалось только стоять и ждать, когда из-за поворота покажется силуэт скафандра.

«Тяжёлый класс. Клинком не пробью», – пришла нерадостная мысль, когда противник показался из-за поворота, и я увидел очертания его скафандра. Он продвигался медленно, сжимая в руках винтовку. Первый рубящий удар нанёс по оружию, отрубив ствол винтовки по самое цевьё.

«Отлично!» – не успел обрадоваться, как сумасшедший, другого культурного слова у меня не нашлось, наставил на меня обломок винтовки. Инстинктивно, ушёл с линии атаки и прыгнул перекатом в противоположную сторону, как раздался оглушительный грохот, и сверкнула яркая вспышка.

«Он что, выстрелил из повреждённого ствола?! Кто вообще доверил ему в руки оружие!» – возмутился я, приходя в себя от оглушительного грохота, раздавшегося чуть позади. Из ушей текла кровь, глаза слезились от пыли и гари.

С трудом пришёл в себя, осмотрелся. На полу, лицом вверх лежит тело в скафандре. Свет налобного фонаря шлема тускло освещает пространство, лучом упираясь в потолок, давая хоть какое-то представление о произошедшем.

«Как только меня не задело? Наверно, он машинально нажал на спуск, не поняв, что оружие приведено в негодность и получил такой «нежданчик»». Его передние конечности оторвало взрывом, и они валялись невдалеке, составляя сюрреалистичную картину. Поднялся, подошёл к противнику и одним ударом закончил его страдания, благо целостность конструкции нарушена и виброклинок беспрепятственно вошёл в плоть.

Без сил опустился на пол.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля, мы везём с собой кота...», – вновь в голове заиграла приставучая мелодия. В голове шумело от полученной контузии, гул смешался с весёлым мотивом не давая прийти в себя.

«Ля-ля-ля, ля-ля-ля...», – она что, всю жизнь меня преследовать теперь будет? Соберись. Ничего ещё не закончено! Отыскал на полу коммуникатор – разбит, не работает.

«Надо вставать и найти капитанскую рубку, думаю, мы в нуль-пространстве и пока из него не вышли, надо захватить корабль, потом будет поздно...».

Поднялся, пошёл блуждать по уровням корабля, переходя с одной палубы на другую. Большинство кают заблокировано, не войти. Только одно помогло – заработало аварийное освещение, давая мягкий красный свет, которого впрочем, достаточно для ориентации в хитросплетениях коридоров корабля неизвестного типа. Хотелось, есть и пить. В одной незаблокированной каюте отыскал множество как пустых, так и целых ёмкостей, приняв их, определил как спиртное, но пробовать не стал – не время. Подозрительно молчала громкая связь и, самое удивительное, ни кто на пути мне не встретился.

Может, их всего четверо? Но, нет, слишком мало. Должно быть как минимум пятеро: капитан, два бойца и два техника – штурман и пилот, или всё за время моего отсутствия сильно поменялось, или меня опять занесло неизвестно куда. Не только в пространстве, но и во времени, но подумав, остановился на версии, что всё-таки я не в параллельном измерении, а просто прошло много времени с моего прохода через чёрную дыру. О чём свидетельствовала

реакция придавленного гравиплатформой на то, что я являюсь гражданином Альянса и самое главное – язык понимаю. Кстати, надо его допросить, но возвращаться не стал, а продолжил методично исследовать корабль.

Ни одного работающего стационарного терминала мне по пути не попало. Я бродил по палубам, изнемогая от жажды, пока не забрёл к заблокированному проходу. Его отличало от всех остальных, что он тупиковый и закрывается массивными бронированными дверями, которыми оборудуют особо охраняемые помещения, а какое помещение на корабле представляет особую важность? Верно – это капитанский мостик и реакторный отсек.

«На реакторный не похоже», – пришёл к выводу, осмотрев массивные двери и слишком узкий коридор, ведущий в тупик. – «Значит, нашёл – это капитанский мостик. Остаётся решить задачу, как попасть внутрь».

Постучал в дверь – тишина. Я, впрочем, и не надеялся, что мне отворят двери по первому моему требованию, но попробовать нужно. Привалился к стене, закрыл глаза, и перед взором всплыла картина, увиденная в одной из кают: в относительно небольшом помещении, больше похожем на морг, на полу вповалку лежали тела. Среди них узнал сопровождавших меня. Они лежали, кто без конечностей, кто без головы, кто словно мумия с выкаченной кровью – жуткая картина. Меня тогда чуть не стошнило, но исполнить рвотные позывы нечем, только желчь с неприятным запахом вырвалась наружу, и я тут же покинул страшную каюту.

– Сержант, это ты? Объект ликвидирован? И почему система перезагрузилась? – отпрянул я, приглатываясь к бою. Оказывается, когда прислонился к стене, случайно нажал на переговорное устройство, активировав его.

«Что ответить?»

– Я... норма... открой... ранен, – изменив голос, глотая окончания, отрывисто произнёс, стараясь чтобы по голосу не разобрали, что говорит другой человек.

– Не разобрал, повтори и отойди чуть дальше, чтоб видел тебя, – послышалось в ответ.

– Ранен... помоги... – ответил хрипящим голосом. Продолжая стоять, закрывая видеокамеру переговорного устройства.

– Сержант, опять напился? Как твоё имя и родная планета? – через минуту ожидания услышал вопрос, который поставил меня в тупик. Ответа на него я не знал и продолжал стоять, говоря нечленораздельное в переговорное устройство.

Когда играть комедию мне порядком надоело, уже было хотел плюнуть на всё и пойти искать камбуз чтоб поесть и немного отдохнуть, как приводы гермодвери пришли в рабочее состояние, и она медленно стала открываться. Не дождавшись, когда она полностью раскроется, а как только проём оказался достаточный, чтобы в него без труда протиснуться, одним рывком проник на капитанский мостик.

Виброклинок, вошёл в плоть стоявшего возле открывающейся двери, не заметив преграды. Не дожидаясь, когда тело упадёт на пол, спрятался за массивным шкафом, ожидая атаки. Но ни выстрелов, ни криков или каких-либо признаков жизни не последовало. Аварийное освещение тускло освещало относительно небольшое пространство капитанского мостика, как вдруг раздался металлический голос: «Внимание! Через два часа по корабельному времени запланирован выход из нуля-пространства. Системы корабля неисправны. Силами корабельных автоматических систем произвести ремонт не представляется возможным. Требуется помощь экипажа».

Когда информация повторилась в пятый раз, а никаких признаков жизни в помещении я не заметил, то вышел из-за своего укрытия и уселся в ложемент управления кораблём.

– Корабль, ответь экипажу!

– ИскИн «Бруз». Представьтесь.

– Капитан Павел Кенгирский, выполнял специальную миссию на планете, эвакуирован экипажем корабля. Представляюсь после карантина. Что произошло на корабле? Почему все мертвы?

– В базе данных нет сведений о вашем прибытии.

– Конечно! Это ж совершенно секретная миссия. Тебе её знать не положено. Озвучь маршрут и план задание! – наглость, второе счастье, не моргнув наехал на Бруза.

– Ваши полномочия не подтверждены, – сухо ответил ИскИн, но пауза, после которой он выдал свой вердикт, длилась слишком долго для такого мощного вычислительного интеллекта, что во мне закралось сомнение в его работоспособности.

– Бруз, слушай приказ, диагностика собственных систем и систем корабля с полным отчётом по градации критичности.

Через десять минут ожидания, за которые я успел осмотреть тело убитого мной, как оказалось, не гуманоида, ожил ИскИн:

«Доклад диагностики собственных систем: оперативная память – некритично; основная база данных – повреждения критичные, отсутствует доступ к восьмидесяти процентам данных; дополнительная база данных – некритично; визуальный контроль – некритично, но половина помещений не контролируется; внутренняя голосовая связь – некритично... Доклад работоспособности корабля: система жизнеобеспечения – некритично, но система регенерации, фильтрации работает на пределе, срок без вмешательства не более суток; внешняя связь дальняя связь – повреждения критичные, нерабочее состояние; ректор – состояние стабильное, потеря мощности на сорок три процента; аварийные системы спасения – некритично...».

ИскИн продолжал по пунктам доклад о своём состоянии, и состоянии корабля, а передо мной вырисовывалась нерадостная картина. Корабль повреждён. Ресурс, если не вмешаться, не более суток, двое. Если облачиться в скафандр, то протяну и дольше, но есть ли необходимость в этом? Через два часа, точнее уже меньше чем через полтора, корабль выйдет из нуль-пространства и окажется в обитаемом космосе, где можно сесть в спасательную капсулу, подать сигнал бедствия и ждать,... но, сколько ждать и чего?

– ИскИн, какова конечная точка выхода из нуль-пространства?

– Пространство возле стационарной космической базы «Доганара».

– Данные по станции! – обрадовался я, ожидая получить ответ.

– Данные по станции «Доганара» отсутствуют.

«Понятно. Основные базы повреждены, может, от замыкания что-то у него перегорело, может, кристалл памяти повреждён механически, вот он и не помнит ничего».

– Бруз, включи стандартное освещение.

– Недостаточно ресурсов.

– Приказ, диагностика спасательных капсул и их комплектность, – скомандовал, когда до выхода из нуль-пространства оставалось меньше получаса. Всё это время я пытался наладить контакт с ИскИном, но ограниченный его функционал и непризнание меня капитаном, или хотя бы членом экипажа, не давала возможности добиться результата. Сначала хотел снять главный вычислительный кристалл, чтоб подтвердить появление себя любимого и, как достойный трофей, но побоялся, что выведу и без того ограниченные вычислительные способности Бруза на закритичный уровень.

«Как же я забыл! У меня ж есть пленный, придавленный гравиплатформой! Он мне поможет, куда ему деваться?»

Сверился со схемой корабля любезно предоставленной Брузом, отдал приказ разблокировать двери и, понёсся в пыточную каюту. Нужно торопиться, времени осталось мало, если не получится убедить пленника, то ничего не остаётся, как опрометью бежать на палубу к спасательным капсулам, а лифты отключены. Хорошо, что бокс с капсулами находится в том же

крыле, но палубой ниже, а ниже, это не выше, не подниматься по тёмной лестнице, а спускаться, что всяко легче.

Добежал до знакомой каюты. Дверь услужливо открылась, но в живых внутри никого. Как понял, когда пьяный Сержант, которого для себя обозвал сумасшедшим, пробил третий корпус корабля, скакануло напряжение, вырвался электромагнитный импульс и некоторые системы корабля пришли в негодность, в том числе блок управления гравиплатформой, которая всем своим весом раздавила бедолагу.

«М-да. Ладно, совесть моя чиста, думаю на корабле больше никого, кроме меня в живых нет и пора убираться, пока есть время».

Облачился в скафандр и уселся в ложемент спасательной капсулы.

«Теперь можно и перекусить», – расслабился я, когда питательная жидкость побежала сначала по трубопроводу скафандра, а потом приятным теплом разнеслась по моему телу. От напряжения и усталости, задремал и не заметил, как корабль вернулся в обычное пространство, а спаскапсулу отстрелило перед разрушением корабля...

«Внимание! Спасательная капсула РН87К3 включите опознавательный сигнал. Внимание! Спасательная капсула РН87К3 включите опознавательный сигнал, или будете уничтожены», – вздрогнул от резкого повторяющегося звука, доносящегося из динамиков скафандра.

Глава 3

– Не хотите отвечать, не надо, – хмуро произнёс человек в форме с неизвестными знаками различия.

– Я вам уже третий раз повторяю, я – военнослужащий Альянса капитан Павел Кенгирский, командир специального батальона, кавалер...

– Кавалер орденов, герой и прочее, и прочее, и прочее, – перебил меня неизвестный.

Третий день меня держат в закрытом помещении на какой-то орбитальной станции, куда меня еле живого доставил патрульный корабль, подобравший спасательную капсулу. Хорошо хоть не уничтожили, когда опознавательный сигнал спаскапсулы идентифицировали как принадлежащий кораблю, включённому в базу данных находящихся в розыске. И ладно бы, просто в розыске, но нет, спасательная капсула относилась к кораблю, который по базам проходит как пиратский и подлежит приоритетному уничтожению без проведения переговоров. Хорошо, что командир патруля оказался вменяемым человеком, и я уговорил его поднять меня на борт, а чтоб не разочаровывать совсем молоденького командира, уверил его, что у меня ценная информация, которую необходимо передать командованию, и только потом предать суду. Возможно, моя ложь и мой непрезентабельный внешний вид сыграл недобрую шутку. Который день меня допрашивают разные люди, которым неоднократно повторяю одно и то же, но мне не верят. Не дают связаться с теми, кто подтвердит мою личность.

– Павел, если вы уж так себя называете, у вас остаётся последний шанс облегчить свою участь, сознайтесь в подготовке диверсии...

– Мне не в чем сознаваться, – закричал я, – никакую диверсию я не готовил. Запросите Генеральный Штаб Альянса, запросите идентификационные данные на Павла Кенгирского, сравните с моими!

– Не кричите! – резко оборвал дознаватель, – идентификационные данные собраны, и образцы отправлены, куда следует. И это ваш последний шанс облегчить свою участь. Как только придёт ответ, к вам применят иные методы допроса, – на его лице промелькнула злобная ухмылка. Дознаватель продолжал что-то говорить, но я уже не слушал. Необходимо потерпеть, подождать ещё немного, а потом, надеюсь, что всё встанет на свои места. Видя моё отрешённое безразличие, дознаватель прекратил допрос и приказал отвести меня обратно в камеру, а я с облегчением на сердце поверил, что мои мучения скоро закончатся.

– Что произошло за время моего отсутствия? – думал, оставшись в камере. – И вообще, сколько я отсутствовал, может, меня опять закинуло туда, неизвестно куда, но, нет. Когда представился бандитам на корабле и здесь, уже в ходе допроса, моя речь произвела ожидаемое впечатление. Об Альянсе, Планетарном Союзе, Кенгирах, войне, здесь слышали. Но почему у дознавателя форма без знакомых знаков различия и язык, хоть и схожий, я понимаю, меня понимают, но отдельные фразы, слова, всё-таки выпадают из контекста, как не вполне знакомые, или прошло слишком много времени, или...» – тут дверь моей камеры плавно отъехала в сторону. В дверном проёме увидел невысокий силуэт, облачённый в свободные, ниспадающие одежды. Он стоял, не проходя внутрь. Разобрать его черты лица не смог. Яркий свет из коридора, попадая в плохо освещённую камеру, слепит, не позволяя рассмотреть очередного незнакомца. Я стоял, не двигаясь с места, ожидая первого хода со стороны неизвестного, но незнакомец сделал шаг назад, и дверь затворилась, оставив меня в полумраке.

«И, что это было?» – недоумевал я, усаживаясь обратно на жёсткую кровать, заправленную тощим одеялом.

«Как будто мне больше делать нечего, как выступать в роли экспоната музея или ещё лучше животного в зоопарке. Что показывали меня неизвестно кому, это точно, но кому? Им что, лень, или нет технической возможности переслать моё изображение, записи допросов или,

не знаю, отчёт с видеокamer, которыми напичканы не только коридоры, но и, считай все помещения, где я только успел побывать».

Желудок непривычно заурчал, требуя пищи. Я успел привыкнуть, что хоть и нахожусь в заключении, но кормят тут строго по часам. Один раз, когда допрос затянулся, так обед доставили, прям в допросную, где я, не скрывая своих умений ловко пользуясь столовыми приборами, а они, знаете ли, несколько отличаются от привычных земных, поразил своим знанием этикета одного из дознавателей, который, видимо, ожидал, что я, как дикарь, накинусь на еду, но не тут-то было. Знай наших! У него челюсть так и отвисла. Ещё бы, в скафандр я облачился, не снимая своего одеяния. Возможно, это и вводит в заблуждение представителей спецслужб по поводу моих слов, что я – гражданин Альянса. В том, что мной занимаются именно спецслужбы, я не сомневаюсь, только остаётся открытым один вопрос, что это за спецслужбы, какой страны, объединения, альянса или союза. С тех пор, чтоб не смущать офицеров знанием этикета и умением пользоваться столовыми приборами, в допросе делали перерыв на приём пищи, а сейчас, привыкнув к распорядку дня, мой желудок неосознанно требовал еду в привычное для него время.

– В качестве экспоната побывал, может, не устроил мой внешний вид и теперь меня что, голодом морить станут? – возмутился я, измеряя шагами камеру. – Десять шагов вперёд. Остановка. Четыре шага влево, десять шагов назад, – проговаривал вслух свой моцион. Я знал, что за мной наблюдают, просто иного и быть не могло, и старался не производить неадекватных неоднозначных действий, которые могут интерпретироваться не в мою пользу. Ожидание становилось томительным, измерив камеру своими шагами полторы сотни раз, подошёл к двери с намерением добиться объяснений, когда меня будут кормить. Всё-таки голод не тётка, если уж не верят, что я гражданин Альянса, герой войны, пусть хоть моральные законы приличия соблюдают, но не успел нажать на вызов переговорного устройства, как створки двери распахнулись.

«Опять допрос? Так поздно?» – идя по коридору в сопровождении двух бойцов мучал себя вопросами. Как ни странно, но распорядок дня на стационарной станции, куда меня доставил патруль, соблюдался строго. Я это заметил не только в строгом следовании установленного распорядка дня, будь то приём пищи, но и допросы, забор образцов, различные тесты, которые за эти дни со мной провели бесчисленное количество раз, проводились в строгом соответствии с рабочим днём, установленным на станции. А сейчас, по моим подсчётам, по времени станции глубокий вечер, рабочий день закончен, но меня, вместо того, чтобы покормить и предоставить самому себе ведут неизвестно куда.

– Офицер, куда меня ведут? – не удержался, заговорил с конвоем, что раньше никогда не делал, предполагая тщетность этой затеи.

– В сектор «Б» двенадцать, – ответил один из конвоиров.

Произнесённая аббревиатура не внесла ясности. Схему станции, расположение секторов, особенности конструкции и названий я не знаю, но мне осталось только удивиться. За время нахождения под надзором я посещал всего лишь один сектор и это сектор «Н», а из прежнего опыта знаю, чем ближе буквенное обозначение к началу алфавита, тем выше уровень допуска необходимо иметь, чтобы проникнуть в этот сектор. И, надо отдать должное конвоирам, видя, что я не выдерживаю темп передвижения, который они задали, как-никак мой почтенный возраст и откровенно плохое физическое состояние не давали мне возможности успевать за ними, конвоиры подстроились под мой шаг, чем вызвали моё глубокое уважение.

– Проходите, вас ждут, – мы остановились напротив гермодвери, возле которой стояли часовые. Гермодверь с шипением отъехала в сторону, я отстранился в сторону, пропуская вперёд конвой, но они стояли, не сдвинувшись с места. Один из них кивком дал понять, чтобы я прошёл внутрь один.

– Присаживайтесь, – услышал приглушённый голос, стоя возле богато уставленного яствами стола, накрытого на две персоны.

– Хоть не забыли покормить, – тихо под нос буркнул я, усаживаясь в удобное кресло. Напротив меня в противоположной части стола сидел пожилой мужчина из расы кенгиры. Устроившись поудобнее, уставился на своего визави, пытаюсь его рассмотреть, но приглушённый свет, да и слабое зрение мешали мне это сделать. Пауза затянулась, кенгир смотрел на меня, изучая, а я на него, не смея нарушать принятый у них этикет, когда пригласивший первым обязан вкусить предложенную пищу, показывая, что она безопасна. Не знаю, откуда пошёл этот обычай, вероятно с давних времён, когда разделить пищу с гостем считалось не столько признаком гостеприимства, сколько дань уважения традиций при проведении переговоров руководителей противоборствующих сторон.

– Меня зовут Каратакис, мне поручено передать вам вот это... – из полумрака возник боец и положил на стол рядом со мной плоский лист.

– Что это? – спросил, не обращая внимания на исчезнувшего бойца. Что наша встреча проходит под присмотром охраны я уже понял, но зачем такие сложности?

– Это я хотел у вас спросить, – ответил Каратакис.

Недоумеая взял в руки лист, повертел в руках, но ничего не увидел. На ощупь на бумагу не похоже, скорее всего какой-то плотный полимер зеленовато-синего цвета размером с обычный лист бумаги, чуть больше формата А4. Посмотрел с обратной стороны, ещё раз повертел в руках, ничего. Только небольшое обрамление в нижнем углу. Как-то случайно, или по неосторожности провёл по этому знаку указательным пальцем. Лист завибрировал, и на нём проявилось изображение.

«Во, как, это такой планшет, как понимаю. Очень тонкий», – обрадовался своей сообразительности. На экране появилось трёхмерное изображение. «До чего техника дошла», – ухмыльнулся, помня, что в бытность мою о таких технических устройствах и не мечтали, по крайней мере я уж точно. Носимые планшеты не могли воспроизвести трёхмерное изображение, наверно, не хватало мощности. Приборы, воспроизводящие трёхмерное, были настолько громоздкими, что использовались только как стационарные на кораблях, в штабах или в специально оборудованных помещениях.

Видеоряд сменял друг друга, но что плохо – звук отсутствовал. Я увидел и капитана Ускуса, и церемонию своего награждения, и некоторые моменты из бытности командиром подразделения. У меня прямо слёзы навернулись на глазах от нагрянувших воспоминаний. Изображение дрогнуло. Экран планшета потемнел, но через несколько секунд видеоряд возобновился. Камера, пролетая над поверхностью планеты, медленно опускалась. По специфическим признакам ландшафта, цветовой гамме, понял, что съёмка сделана на центральной планете Кенгирской Федерации. Снижающийся полёт замедлился, камера зависла над большой группой кенгиров, которые стоят полукругом напротив уходящей ввысь стелы. Картинка с общего плана сменилась на ближний, выхватывая по отдельности лица, от мала до велика, на которых я распознал скорбь, отчаяние, горечь утраты. Камера вновь взмыла вверх до шпиля стелы и медленно, словно давая возможность зрителю рассмотреть каждую крупинку массивного каменного памятника, начала спуск вниз. Я смотрел заворожённый, было такое ощущение, что нахожусь среди тех, кто стоит перед памятником и молча скорбит об утрате. Камера спустилась к подножию. Видеоряд застыл, давая возможность прочесть надпись на массивной плите: «Здесь покоится уроженец далёкой планеты, ставший истинным сыном Кенгирского народа. Кавалер Ордена Основателя, герой Альянса – капитан Павел Кенгирский. Вечная память».

Я выронил из рук планшет и откинулся на спинку кресла.

– Что скажете, – нарушил тишину Каратакис.

– Кто там похоронен? – только и смог выдать из себя вопрос.

– Павел Кенгирский – герой Альянса и Кенгирской Федерации, – сухо ответил кенгир.

– Не-ет! – выкрикнул я, вставая из-за стола. Рядом тут же появились двое бойцов охраны, преградившие путь к собеседнику. – Павел Кенгирский это я! Когда атаковали корабль, я не погиб, а спустился в спасательной капсуле...

– Я читал ваши показания, успокойтесь. Сядьте на место! – выкрикнул Каратакис. Под присмотром охранников, я вернулся в кресло. – Давайте поужинаем, а потом поговорим.

После этих слов на столе начали появляться блюда. Я смотрел на обрастающий яствами стол, но аппетит пропал. Сидя в тишине, нарушаемой только звяканьем столовых приборов, я отрешённо жевал подаваемые блюда.

«Меня похоронили, что не удивительно. Корабль, на котором я летел в столицу, подбили и посчитали, что все члены экипажа и пассажиры погибли – это логично. Но, почему не проведут тесты, не сравнят биометрические данные, почему это всё не делают?!» – во мне бушевал шторм негодования. Я не понимал, что изменилось за эти несколько десятков лет моего отсутствия.

– Господин Каратакис, – обратился к кенгиру, – сколько лет прошло с... моих похорон?

– С гибели и погребения великого сына Кенгирского народа Павла Кенгирского прошло шестьдесят два стандартных общепринятых года, – без эмоций ответил Каратакис.

«Шестьдесят два! Это как получилось, что так много времени прошло. Я считал, тридцать, ну, максимум полсотни, а тут почти в два раза больше!». От полученного ответа я чуть не поперхнулся, но откашлялся.

– Вы удивлены? – ехидно спросил Каратакис. Поставленный вопрос для меня непонятен, по моей реакции, визави, думаю, сам определил, что известие оказалось шокирующим, и я не стал отвечать на его издёвку, уткнувшись в тарелку с незнакомым, но очень вкусным блюдом. – Не такой реакции я ожидал, – продолжил собеседник и сделал знак рукой. Ко мне подошёл один из охранников.

«И закончить ужин не дадут», – недовольно поморщился я, кладя на стол приборы и отставляя тарелку. Охранник положил передо мной лист свёрнутый пополам похожий на бумагу и вернулся на своё место.

– Посмотрите, что можете сказать по этому поводу, – произнёс собеседник, кивком указывая на лежащий лист.

«Нет, на ощупь вроде бумага», – взял в руки и развернул. На нём, мелким почерком от руки на кенгирском языке оказалось сообщение: «Дорогой друг. Если это именно ты, ответь, что заставил меня изучать капитан Ускус во время нашей первой встречи».

«Что за ерунда. Письмо без подписи. Ускус, Ускус... Это было, когда меня забрали с Земли. Так, значит, там был ещё стажёр – Куртис. Он меня ещё пару раз вырубил, но он осто-лоп, как говорил капитан. Что заставил изучать, что... какой-то справочник или научный труд, но чей... не помню».

– Это написал, как понимаю, стажёр Куртис, он остолоп, – выпалил я на одном дыхании, а потом выждал паузу и продолжил, – но что заставил изучать его начальник – капитан Ускус, которого, кстати, показывали в начале... фильма, я не помню, вероятно, какой-то справочник или научный труд кого-то из великих учёных кенгирской расы.

Повисшая тишина заставила меня усомниться в правильности моих слов. Мой визави смотрел на меня с открытым от удивления ртом, а потом, разразился громким, ухающим смехом, что мне стало не по себе.

– Рассмешили, – отдышавшись, ответил Каратакис, – если честно, я не знаю ответа на этот вопрос, но, думаю, академик Куртис оценит вашу шутку.

«Академик. Ничего себе! Как всё поменялось. Почему тогда Куртис не прибыл лично, или он такой занятой человек», – шёл я весь в раздумьях, возвращаясь в свою камеру. Когда остался один, запертый в четырёх стенах, не мог долго уснуть, думал, что происходит, почему

мне не верят, почему не идентифицируют, почему... и много этих почему, возникало с каждой секундой в моей голове.

– Полковник! – услышал сквозь дремоту, – полковник, проснитесь. Кто-то осторожно тряс меня за плечо.

«Это к кому обращаются. Моё звание – капитан, как сейчас помню», – открыл глаза. Надо мной склонился офицер в парадной форме, я сделал такой вывод, потому что его одеяние резко отличалось от видимой неоднократно формы всех офицеров, с которыми мне приходилось встречаться.

– Господин полковник, – вытянулся по струнке офицер, знаки различия я так и не смог разобрать, видимо, за прошедшие более полсотни лет обозначение воинских званий, форма, сильно изменилась, поменяла свой внешний вид. Хорошо, что остались привычные наименования. – Мне приказано сопроводить вас к генералу Дрогансару.

– В таком виде? – указал я на свой внешний вид. Да, мне почти сразу дали переодеться из своих, так скажем лохмотьев, но на мне обычный комбинезон техника без знаков различия. – И почему полковник, вы не ошиблись камерой?

– Никак нет, господин Павел Кенгирский, – выпалил офицер.

«По крайней мере, знает фамилию, может, тогда и не ошибся камерой», – подумал, поднимаясь с лежанки и не обращая внимания на стоявшего по стойке смирно офицера, прошёл, умылся, привёл себя в порядок. Пока выполнял свой утренний моцион, в камеру принесли чемоданчик.

– Господин полковник, – нервно заговорил офицер, – если можно, поторопитесь, вас ждут. Из чемоданчика извлекли нечто, похожее на плащ-палатку. Я, прям, не знал, как к ней подступиться.

– Минуту, – ответил, разглядывая предложенное одеяние.

«М-да. И это новая форма», – разочарованно подумал. Её разительно отличал не только покрой, цвет, материал, отсутствие знаков различия, неизвестная атрибутика, но и способ облачения. Это вам не брюки, сорочку, китель надеть, тут мне пришлось повозиться. Попробовал накинуть на плечи, но видя моё затруднение, офицер подсказал, что форма одевается как скафандр, заходишь в неё спиной вперёд и всё. Дальше она сама обтягивает тело, подстраиваясь под носителя.

«До чего дошёл прогресс!» – радовался, когда у меня получилось облачиться в одеяние. Через пару секунд «плащ-палатка» приятно обтянула тело, не сковывая движения, но и не вися, словно мешок. Изменила цвет, появились непонятные мне знаки различия. Только головного убора я так и не нашёл.

«Ладно, наверно, теперь так принято, без головного убора».

Шли мы долго. Меня сначала удивляло, а потом забавляло, что встретившиеся по пути военнослужащие отступали к стене и принимали стойку «смирно». На лицах некоторых из них я видел удивление.

– Офицер, – нарушил молчание, обратившись к сопровождающему, – почему обращаетесь ко мне «полковник», я ведь только «капитан», – уже понял, что меня всё-таки признали, – и знаки различия для меня не вполне понятны. Вы в каком звании?

– Лейтенант военно-космический сил Тирнакон, господин полковник, – чётко отрапортовал сопровождающий, – к сожалению, на вопрос о знаках различия я не могу дать ответ. Используемая сейчас система распознавания принадлежности к роду войск и званию принята сорок пять лет назад, а историю воинской атрибутики нам не преподавали.

– Понятно. Долго нам идти?

– Минут десять.

Я, следуя за лейтенантом, радовался, что мои мучения закончены. Меня признали, вернули воинское звание и почему-то через ступень выше. Теперь остаётся узнать, почему мою личность так долго не могли установить и, что за бардак творится в Альянсе.

Мысль «про бардак в Альянсе» меня развеселила. Я улыбнулся и замедлил шаг.

– Господин полковник, пришли.

Створки гермодвери разошлись, и я вошёл внутрь.

Меня пригласили в кают-компанию, сделал вывод, шагая по каюте. Мне часто приходилось бывать в такого рода помещениях, как на стационарных станциях, так и на кораблях различного типа. Но то, что я увидел внутри, поразило меня убранством, роскошью и, мягко скажем, не функциональностью. По периметру каюты тумбы с расставленными на них различного вида и формы вазами, непонятными для меня статуэтками, мягкая мебель с вычурным дизайном. Но что бросилось в глаза – это гобелены, закрывавшие всю площадь стен.

«Они что, Устав не читают», – чуть не выругался я. В случае пожара, тут всё факелом вспыхнет, и не успеешь позвать на помощь, или принять меры к пожаротушению – задохнёшься.

В противоположном от входа углу, за столиками, восседали трое в военной форме. Я направился к ним, продолжая возмущаться нарушению Устава. В моё время такой роскоши и откровенной безалаберности не было.

– Господин полковник, – не вставая произнёс старший по возрасту, – присаживайтесь. Я генерал Дрогансар, начальник стационарной станции «Панора», достопочтенным гостем которой вы являетесь. Мне поручено поздравить вас с возвращением.

Недоумевая от такой расхлябанности, подошёл к столику. Во мне всё кипело, с трудом сдерживал себя, чтобы не сказать всё, что думаю по этому поводу, но скрепя зубы, отдал честь и уселся на свободное место.

– Позвольте представить присутствующих здесь офицеров, – монотонно продолжал генерал, – полковник Чуваргин – служба безопасности, полковник Заниров – мой заместитель, командир внешней разведки. Именно его люди вас отыскали в открытом космосе.

– Благодарю, – произнёс с кивком головы, обращаясь в сторону полковника Занирова.

– Полковник Кенгирский, мной получен приказ организовать ваш перелёт на планету Сантипара в секторе М23, – произнёс генерал и, сделав многозначительную паузу, будто ожидая моей реакции, продолжил, – но по совету Каратакиса, кстати, вы с ним встречались, он уважаемый дипломат и к его мнению прислушиваются, предлагаю вам совместить путешествие с реабилитацией. Через день на станцию прибудет штабной корабль-госпиталь, там вы сможете поправить своё здоровье, привести себя в порядок и потом отправитесь в пункт назначения. Времени достаточно, так что не отказывайтесь от возможности пройти процедуру восстановления.

– Процедуру восстановления? – спросил, чтобы поддержать разговор.

– Да, полковник. За последние полсотни лет медицина шагнула далеко вперёд и сейчас процедура омоложения, как её раньше называли, доступна всем без исключения, сколько думаете мне лет, – ухмыляясь, спросил генерал.

– Предполагаю, что не больше сорока пяти, – ответил не раздумывая. Действительно, хоть генерал и выглядел старше, но всё равно внешний вид укладывался в приемлемые рамки. Не юнец, но и не глубокий старик. Вспомнил своё изображение в зеркале, когда облачался в парадный мундир, я хорошо рассмотрел себя: пожилой, с морщинистым лицом, седые жидкие волосы на голове, дряхлые мышцы, а когда попал на корабль с силой тяжести, от которой уже отвык, то появилась отдышка, суставы заныли и голова гудела. Хорошо, что в день схватки с пиратами меня не так сильно накрыло, а только сейчас начал чувствовать ухудшение здоровья и слабость в ногах.

– Вы ошиблись, – улыбаясь, ответил генерал, – мне через год исполнится сто сорок пять, в отставку пора.

– Господин генерал, разрешите вопрос, – осмелился вступить в разговор.

– Спрашивай, полковник, – ответил Дрогансар и в это время, как понял, адъютанты принялись накрывать на стол, – думаю, не откажитесь отобедать.

– Не откажусь, но позвольте узнать, кто были те, кто меня похитил с планеты, кстати, я так и не знаю, как она называется, только местное наименование, которое, как понимаю, вам ничего не скажет.

– Интересный вопрос, – вступил в разговор полковник Заниров, – вас обнаружил корабль дальней разведки, который наблюдал за сектором НН11, где расположена частная стационарная станция «Доганара». Как знаете, спасательная капсула, в который вас обнаружили, принадлежала судну, внесённому в чёрный список и подлежащему уничтожению, но частный корабль «Радонга» при выходе из нуль-пространства развалился на части, и нам удалось снять некоторые сведения с его ИскИна, но информация оказалась повреждена. Нам не удалось установить его маршрут, цели и задачи, которые он выполнял.

– Я видел, чем там занимались, – было, начал говорить, но меня перебил полковник Чуваргин, как не вежливо с его стороны, отметил для себя его нетерпение.

– Мы ознакомлены с вашим допросом. Не надо повторяться. Информация принята к сведению.

Проглотив нарушение субординации, задал вопрос интересовавший меня больше всего: «Господин генерал, мой следующий вопрос покажется некорректным, но почему идентификация личности проводилась так долго, в мою бытность офицером Альянса, такие вопросы решались буквально за сутки».

– Понимаю ваше недовольство, полковник, – по-дружески произнёс генерал, – война давно закончилась. Уже полсотни лет не случается экстраординарных случаев, а согласитесь, ваш случай выходит за рамки обыденности и отработанных шаблонов, вот и не знали, что предпринять, поверить вам и запросить идентификаторы, связаться с представителями Генерального штаба, или... – тут генерал замолчал.

Я сидел, смотрел на высших офицеров, и всё больше во мне вскипала благородная ярость. Будучи человеком военным, я не мог понять, что происходит. Расхлябанность, откровенное разгильдяйство, граничащая с халатностью. Это что, за полсотни лет мирной жизни воинское искусство пришло в упадок, но это слишком маленький срок для разрушения выстроенной военной машины. С таким продолжительным сроком жизни, как понимаю, и генерал, и присутствующие здесь офицеры должны знать, что такое Устав, какие последствия его невыполнения, и я не сомневался, что они если не все, то, по крайней мере, Дрогансар принимал участие в войне с Планетарным Союзом. И почему начальник станции «генерал», мы же находимся в космосе, а это как минимум «адмирал», но на этом не стал заострять свой разыгравшийся разум. И в те далёкие времена, нечасто, но назначали сухопутных офицеров на должности в Военно-космических силах.

Ужин подошёл к концу. С приставленным ко мне в качестве провожатого адъютантом я шёл по коридорам, переходя с одного уровня на другой в предоставленную мне каюту. «Хорошо, что в камеру опять не посадили», – мысленно ругался я, недовольный прошедшей встречей. И зачем мне было облачаться в парадную форму, и зачем разговаривать «ни о чём». Ни на один мой вопрос я так и не получил ответа, ни какой важной информации, кроме того, что война закончилась я не почерпнул, а только убедился, что для военного, мирное время – это тяжёлое испытание и не каждый его выдерживает.

Кабюта оказалась просторная. В неё даже принесли кое-какие сменные вещи. Но что меня раздражало, так это то, что только когда закончили ужин и собрались расходиться, мне вручили идентификатор личности, как сказали временный, до прибытия на планету Сантипара.

Разоблачился из парадной формы быстро, как-то само пришло, куда нажать, что дёрнуть и как это всё снять. Надел халат. Больше ничего подходящего или тем более знакомого по очертаниям в оставленных в каюте вещах я не нашёл. Принял душ и уселся в удобное кресло.

«Что ж, Андрей, брат мой по крови, не выполнил я твою просьбу. Она сама собой выполнена. Война между Альянсом и Планетарным Союзом прекратилась. Почему, как, не знаю. Потом разберусь», – сидел, дремал, развалившись в кресле. Всё-таки возраст и возросшая сила тяжести даёт о себе знать. Мышцы так и не восстановились от расслабленного состояния жизни с пониженной силой тяжести.

– Господин полковник, – раздался вызов через коммуникатор гермодвери.

– Что случилось? – встрепенулся я.

– Медицинский корабль через шесть часов пристыкуется к станции на палубе К21. Господин генерал Дрогансар просит вас не опаздывать. Время стыковки ограничено.

– Благодарю офицер, – ответил, вновь погружаясь в дремоту. Эх, старость не радость, сколько времени я так проспал, сидя в кресле, но хорошо, что никто не беспокоил, дали отдохнуть.

Глава 4

На палубу провожать меня пришёл только полковник Чуваргин, который своим присутствием придавал важность моей персоне. Попрощались обыденно. Полковник вручил мне привычный на вид личный коммуникатор, пояснив, что персональный выдадут после медицинского обследования и процедуры омоложения. Мы пожали друг другу руки, услышал незнакомое пожелание «спокойного вакуума» и я взошёл на корабль, где тут же попал в руки медперсонала.

– Господин Кенгирский, позвольте вас проводить в вашу каюту, – обратилась ко мне миловидная девушка, – я ваш куратор, медсестра Сирена Вакулина.

– Очень приятно, полковник Кенгирский, – представился я.

– Пойдёте, от начальника станции поступил запрос о предоставлении вам полного спектра медицинских услуг с установкой персонального коммуникатора. Как только корабль расстыкуется, вас положат в медицинский бокс, – быстро выговаривая слова, рассказывала Вакулина, я только и успевал, что поддакивать, иногда кивая, иногда произнося многозначительное «конечно». – Это займёт некоторое время, но процедура необходима для полного тестирования вашего организма, вижу, что вас долго не было в обитаемой Галактике. Специальное задание? – чуть прищурившись, спросила Сирена.

– Архиважное, – произнёс, придав твёрдость своему старческому голосу, вспомнив малоизвестный, ещё чёрно-белый фильм про вождя революции.

– Понимаю. Можете не отвечать. Раньше много таких находили, еле живых, но с каждым годом всё меньше и меньше. Сверхдальние перелёты стали значительно безопаснее.

Я шёл за миловидной девушкой, стараясь угадать, сколько ей лет. Но все мои потуги в определении возраста по внешнему виду, казались тщетными. Эта задача мне никогда не удавалась, а сейчас, с учётом шагнувшей вперёд медицины, тратить время на заведомо неразрешимый вопрос не хотелось, и я отмёл разыгравшиеся умозаключения на потом.

– ...как только закончится тестирование, проведём калибровку аппарата и запустим процедуру... – продолжала лаконично говорить медсестра, но я её не слушал, а выжидал момента, чтобы вежливо перебить, – ...пришли.

– Разрешите попросить... – произнёс, осмотрев просторную двухсекционную каюту, посреди которой в одном помещении располагался медицинский ложемент, а в соседнем отсеке добротно, со вкусом обставленная жилая комната с санузлом и пищевым синтезатором. «Прям вип-палата», – ухмыльнулся я.

– Слушаю вас, – тут же отозвалась медсестра.

– В свободное время хочу поискать некоторые сведения в информатории, но не вижу терминала связи, не можете? – не успел я договорить, как девушка расплылась в улыбке.

– Конечно, конечно, – торопливо ответила она, указывая на жилой отсек, – я помогу вам настроить доступ к внутренней сети корабля. Сами понимаете, в нуль-пространстве связь отсутствует, а в обычном пространстве, в целях безопасности, обмен данными с внешними источниками ограничен, но не волнуйтесь, библиотека корабля обширна, не уступает Центральной библиотеке Союза. В нашей информатории прекрасная коллекция фильмов, как познавательного характера, так и... – тут она сделала многозначительную паузу, потупив взгляд в сторону кровати.

Я понимающе улыбнулся в ответ. Приятно осознавать, что интересую противоположный пол, хотя и выгляжу непрезентабельно, что поделать, жизнь на окраине, вдалеке от технологически развитого мира, смена гравитационной постоянной наложила свой отпечаток – выгляжу как глубокий старик. Смотря на окружающих, с кем мне довелось встретиться за это короткое

время, у меня сложилось впечатление, что за редким исключением, старше тридцати-тридцати пяти лет никого нет. Что меня несколько не удивило. Только бросилось в глаза – людей преклонного возраста единицы. Может действительно, медицина шагнула далеко вперёд и процедура омоложения доступна всем слоям населения и внешний вид «заморозился» на отметке тридцати лет.

– Господин Кенгирский, – вывела меня из размышлений Сирена, – я настроила вам выход в инфосеть корабля через ваш коммуникатор, но советую, сначала пройдите тестирование, а потом, когда ложемент проведёт анализ организма и составит программу омоложения, спокойно погрузитесь в изучение великолепных образов...

– Благодарю, – прервал я Сирену, – каков маршрут следования корабля? Мне необходимо попасть на планету Сантипара, меня там ждут.

– Корабль следует по кольцевому маршруту от планеты к планете, от станции к станции, курсирую по закреплённому сектору пространства, – видно, что заученными фразами заговорила Сирена, – планета Сантипара находится как раз по маршруту. Не стоит беспокоиться, у вас есть восемнадцать стандартных суток. За это время пройдёте полный курс реабилитации и ещё пара суток останется на экскурсию по кораблю, а сейчас необходимо подготовиться к переходу в нуль-пространство.

– Корабль уже расстыковался? – удивился я.

– Да, скоро последует переход.

– Без разгона?

– Конечно, – не скрывая своего удивления, ответила медсестра.

«Интересно, как помню, для перехода в нуль-пространство необходимо достичь девяноста процентов скорости света, а только потом включаются запространственные двигатели, и судно переходит в нуль-пространство, двигаясь с невероятной для физических объектов скоростью. Но переход без разгона – это действительно научно-техническая революция».

– Как объявят по громкой связи, необходимо занять место в стартовом кресле, – продолжала проводить инструктаж Сирена, – в вашей каюте эту функцию выполняет медицинской ложемент. Если хотите, я настрою, чтобы сразу после перехода началось обследование.

– Нет, спасибо. Я намеривался привести себя в порядок и перекусить, а потом заняться лечением.

– Ой, извините. Не подумала, – ответила Сирена.

«Внимание! Всем занять места согласно расписанию для перехода в нуль-пространство!», – раздалось по громкой связи.

– Мне пора. Я к вам зайду после перехода, и начнём процедуру.

– Не торопитесь, дайте мне пару часов, – как можно обаятельнее улыбнулся я, стараясь не обидеть заботливую девушку, хоть и понимал, что она так носится со мной не по своей воле или из личных доброжелательных отношений, но всё равно, рвение, с которым она выполняет свою работу, меня обрадовало.

Остался один, уселся в ложемент и приготовился к переходу. Если честно, ожидал перегрузки, болтанки или иных выкрутасов, но ничего не почувствовал. Понял, что корабль благополучно вошёл в нуль-пространство, когда тягучее, обволакивающее объятие ложемента прекратилось, отпустив меня из своего чрева.

– Что ж, каюта и впрямь царская, – говорил сам с собой, обходя свои пенаты. Первым делом принял душ, обмылся, переоделся, привёл себя в порядок и, набрав съестного приготовленного услужливым синтезатором пищи, уселся за панель информатория. Думал, чтоб не терять времени, пока перекушу, просмотрю последние новости, а то выглядеть оторванным от цивилизации не хотелось, всё-таки интересно, что произошло за эти десятки лет, пока меня не было.

Инфопанель услужливо мигнула, подтвердив принятие запроса основных исторически значимых событий последних шестидесяти лет, но непривычно долго пришлось ожидать формирование ответа. Предполагал, что быстродействие вычислительных машин возросло, но затянувшееся ожидание поставило меня в тупик. Неужели их настолько много, что современная техника не справляется с объёмом обрабатываемой информации. За эти пятнадцать минут томительного ожидания успел не только доесть всё, что припас для приятно как думал времяпрепровождения, намереваясь изучить успехи и порадоваться достижениям Альянса, что пришлось отвлечься от монотонного просмотра за бегущей диаграммой обработки информации и вновь вернуться к аппарату, требуя добавки.

Попивая тёплый напиток, отдалённо напоминающий чай с лимоном, витал в облаках, представляя, как меня примут на кенгирской земле, мечтал встретиться с капитаном Ускусом и академиком Куртисом, как инфопанель пискнула, сообщая о завершении обработки запроса.

Массив информации действительно оказался обширным, за эти годы произошло столько знаменательных и значимых, по мнению искусственного интеллекта событий, что простое пролистывание отчёта заняло б не одну пару часов.

– Какой же я дурак, совсем от жизни отстал! – чертыхнулся, вспоминая, что можно использовать личный коммуникатор для ознакомления с информацией, тем более никто не мешает им пользоваться во время процедуры медицинского тестирования и настроил удалённую связь с инфопанелью через коммуникатор.

– Господин Кенгирский, – вывел меня приятный голос Сирены из состояния любования завершённым процессом перезагрузки информации с инфопанели в коммуникатор, – вы освободились, можно начать тестирование?

– Конечно, давайте приступим, – ответил, радуясь своей сообразительности.

– Присаживайтесь.

– Сколько времени длится тестирование? – спросил, удобно расположившись в медицинском ложементе.

– Предварительное тестирование проходит от двух до десяти часов в зависимости от объекта исследования, – заученной фразой ответила Сирена.

«Значит, пять – восемь часов у меня есть на изучение информации. Не думаю, что дольше», – ухмыльнулся я, надеясь, что не так всё запущено в моём организме.

Кокон медицинского ложеamenta обволок приятной пружинистой субстанцией. Аппарат мягко изменил вертикальное положение в полу горизонтальное, и по телу побежали лёгкие, покалывающие сполохи. От неожиданности мои глаза расширились, я предпринял попытку вырваться из объятий такого странного аппарата, но голос Сирены меня успокоил: «Не волнуйтесь господин Кенгирский, это стандартная процедура тестирования организма, аппарат запустил первый шаг программы. Всего их двенадцать, не волнуйтесь».

Доверился уверенному голосу медсестры. Закрыв глаза. Расслабил мышцы и сосредоточился на дыхании. Через несколько минут оно стало плавным, медленным без глубоких и частых вдохов. Покалывание приобрело приятный оттенок, словно делают массаж. Осторожно открыл глаза. В каюте никого, только мирное жужжание медицинского ложеamenta нарушает звенящую тишину. Пошевелил рукой. Объятия субстанции аппарата поддались, словно разрешая совершить манипуляции с коммуникатором. Включил его и вывел информацию на смотровую панель ложеamenta с управлением зрачками глаз.

Гигантский объём информации пугал, но удалось настроить, систематизировать информацию по степени важности не так, как посчитал необходимым искусственный интеллект, а так, как я расставил для себя приоритеты. Что меня интересовало в первую очередь – это война между Планетарным Союзом и Альянсом. К своему удивлению в информатории отыскалось мало информации по животрепещущему вопросу. Сухие сводки, основные сражения, выкладки аналитиков по итогам боёв и, видно, что аналитиков не военных, а гражданских жур-

налистов, которые подменяли термины, разукрашивали эмоциональной составляющей происходившие события, отдаляясь от фактов. У меня сложилось мнение, что войну стараются мягко, осторожно свести к обычной приграничной стычке, но самое непонятное для меня – я так и не смог определить, кто победил.

Перелистнул блок информации к послевоенному устройству и тут наткнулся на, как было сказано, величайшее изобретение современности в области космических перелётов – открытие невероятных свойств элемента, получившего общепринятое название «заррит».

Долго вчитывался в трудный для понимания, написанный научным языком с множеством специальных терминов текст и только понял одно, что заррит синтезируется из известного мне по последней боевой операции минерала зират. Он, этот минерал имеет необычайные свойства и, как было сказано в статье, содержит сто тридцать седьмой первоэлемент Вселенной. У заррита электрон вращается со скоростью света, в связи с чем, обладает колоссальной потенциальной энергией. Благодаря его синтезу удалось свершить колоссальный скачок в науке, создать движитель на основе иных, ранее неизвестных принципах и достигнута невероятная скорость передвижения в пространстве. Да, не мгновенно, но в десятки раз превышающая существовавшую полсотни лет назад. Как понял, именно на таком движителе сейчас и происходит полёт межзвёздных кораблей. Теперь понял, как оказались пираты на планете, куда меня закинуло через нуль-пространство. У них стоял новый движитель, но тогда, планету посещают не только пираты, но и научные экспедиции. Хотя, в ближайшее время ни технологически, ни морально аборигены не готовы к контакту с другими цивилизациями, а когда он произойдёт и произойдёт ли вообще, меня не интересовало.

С интересом читал подготовленный блок достижений в науке и технике, прогнозы и вероятные пути развития Цивилизации. Меня поразило, что местными теоретиками предсказан сто семьдесят второй первоэлемент, скорость вращения электрона которого, значительно превышает скорость света. И атом, теоретически, не может его удерживать, но, если даже удастся синтезировать, или как-то получить сто тридцать девятый первоэлемент, как высказывались некоторые учёные, путешествие во времени и пространстве станет доступным для физических объектов и гипотеза, скрывающая величайшую тайну Мироздания, воплотится в научно-обоснованный факт: Теорию Всего.

– Господин Кенгирский, – услышал приятный голос медсестры, – первичное тестирование закончено, можете выбираться из ложементов.

И впрямь, субстанция, обволакивающая моё тело отступила, я полулежал в ложементе с закрытыми глазами, размышляя, обдумывая полученную информацию.

Не успел покинуть ложемент, как вновь услышал голос медсестры Сирены: «Господин Кенгирский...».

– Сирена, называй меня Павел, так привычнее, – перебил её я.

Чуть запнувшись, она продолжила: «Господин... извините – Павел, тестирование организма пройдено, для определения оптимальной настройки аппарата понадобится некоторое время. И чтобы не скучать, предлагаю вам экскурсию по кораблю, пока аппарат будут настраивать, менять сменные картриджи».

– И капитанский мостик посетим? – ухмыльнулся я.

– Думаю, это возможно, – заколебавшись, ответила медсестра, – но моего допуска недостаточно для посещения капитанского мостика, но я что-нибудь придумаю.

Медсестра удалилась, описывая своими бёдрами идеальный знак бесконечности. «О, как на меня всего лишь процедура тестирования подействовала. Прям, мужчиной почувствовал себя», – в бодром расположении духа принял душ, переоделся и ждал, когда меня выгуляют из четырёх стен каюты, которая за эти несколько дней уже настолько надоела, что хотелось пройтись, погулять, пообщаться с кем-нибудь, а не только с приставленным медработником,

хотя, скажу честно, я б с ней закрылся на пару часов, так, просто проверить своё текущее состояние в мужском плане.

Вызов интеркома двери каюты вывел меня из мечтаний.

– Господин полковник, я капитан Итрис Сиганоров, мне приказано вас сопровождать во время демонстрационной экскурсии по кораблю.

– Входите, не заперто.

Внутри каюты вошёл совсем молодой, наверно лет двадцати пяти офицер.

«Прям, как я в молодые годы», – увидев его, нахлынули чувства утраченной молодости. Смотря на себя в зеркало, с сожалением, в отражении видел невысокого, сутулого мужчину, слегка полноватого, с проседью на почти безволосой голове с лицом, испещрённым морщинами. «Не зря Сирена советовала сначала пройти процедуру омоложения, а потом только...».

– Полковник, позвольте озвучить план экскурсии, если у вас будут предложения или пожелания, то постараемся их учесть, – вывел из мрачных мыслей капитан, – сначала главная медицинская палуба, где располагаются основные медицинские отсеки, затем кают-компания, палуба жилых отсеков, камбуз и капитанский мостик.

– Капитан, позвольте в неформальной обстановке мне вас называть Итрис, – и дождавшись утвердительного кивка, продолжил, – давайте пропустим палубы, где располагаются медицинские и жилые отсеки. Думаю, что там ничего интересного нет, а вот реакторный отсек и систему безопасности, я бы с удовольствием посмотрел. Интересно, знаете ли, как поменялся алгоритм действий во время экстренной ситуации, думаю, найдётся знающий человек, который мне, старому, объяснит действия во время сигнала тревоги.

– Полковник, вы хотите пройти инструктаж на случай возникновения непрогнозируемой ситуации? – удивился капитан.

– «Тревога» теперь называется «непрогнозируемая ситуация», как загнули и не разберёшься, – ворчливо пробубнил себе под нос, надеясь, что меня не услышали, а чётко и членораздельно произнёс: «Думаю, это лишним не будет, ведь алгоритм действий на кораблях примерно схож, не правда ли?»

– Вы совершенно правы, – отчеканил капитан, а сам связался с кем-то, получая инструкции.

– ...при объявлении по общекорабельной информационной сети, – монотонно, нудно, заученными фразами, продолжал говорить лейтенант, имя которого я не запомнил, – продублированной на персональный коммуникатор, сигнала «непрогнозируемая угроза», предписывается следовать указаниям, полученным на коммуникатор, на котором отобразится порядок действий. Следовать...

Я смотрел то на лейтенанта, то на капитана, слушал и делал умный вид, стараясь не выдать своего раздражения. Всё, что говорил офицер, которого представили ответственным за противоаварийную безопасность, казалось мне настолько нежизнеспособным и противоречащим здравому смыслу, что с наигранным заинтересованным видом принялся рассматривать демонстрируемый фильм-пособие по эвакуации с корабля, который во время монолога транслировал на экран, моделируя какую-то, видимо, нестандартную ситуацию. Экран сменялся красивыми картинками, показывая действие экипажа во время непрогнозируемой угрозы. Действия экипажа слажены, ни одного лишнего движения, ни беготни, ни паники. Все, абсолютно все, в том числе и пациенты такого гигантского корабля, как медицинский лайнер словно сомнамбулы, не торопясь, идут по указанному пути. Я хмыкнул, но виду не подал. Если так будет происходить в реальности, буду только рад. Но нестандартная, на то она и нестандартная, что смоделировать, спрогнозировать со стопроцентной точностью возникшую ситуацию невозможно. Даже Военный Устав, инструкции, дополняются, уточняются после анализа каждой критической ситуации, чтобы впредь она не повторялась. И только сейчас обратил внимание,

что на руке лейтенанта и капитана, да и тех, кто показан в фильме, отсутствует привычный для меня браслет коммуникатора.

Лейтенант закончил свой нудный монолог. Экран проектора погас.

– Офицер, скажите, а кто отдаёт приказ и задаёт алгоритм спасения команды и пассажиров? – задал, думал вполне очевидный вопрос. Так как не из демонстрационного фильма, ни от лейтенанта не услышал, кто оценивает степень угрозы и отдаёт приказ на эвакуацию или, принимает решение на локализацию и устранение аварийной ситуации.

– ИскИн корабля, – бодро ответил лейтенант, – на нашем лайнере установлен самый передовой в своём классе искусственный интеллект, который прошёл плановое тестирование и доказал свою непревзойдённость.

Экскурсия по камбузу плавно перетекла в обед, а я всё не мог отделаться от наваждения. В памяти всплывали знакомые по земной жизни произведения фантастов-футурологов, предупреждавших ещё в далёком двадцатом веке о негативных последствиях чрезмерного увлечения искусственным интеллектом, неоправданного перекладывания на его электронные мозги всех сторон жизни, в том числе принятие важных, судьбоносных решений. Несомненно, электроника, а тем более квазиэлектроника, которая шагнула далеко вперёд в мире, где я сейчас нахожусь, не идёт ни в какое сравнение с тем, что знакомо мне по земной жизни, или по тем, нескольким годам, проведённым в вооружённых силах Альянса. Но отдавать, перекладывать искусственно созданному разуму ответственность за жизни существ из плоти и крови, надёжных собственным, индивидуальным разумом, для меня выглядело дико.

– Господин полковник, – заговорил Итрис, – нас ждут на капитанском мостике.

– Хорошо капитан, сейчас пойдём, – ответил, доедая очень вкусное блюдо, приготовленное в моём присутствии коком корабля и набравшись смелости, чтобы не выглядеть совсем уж отсталым, осторожно задал вопрос: «Итрис, а у тебя разве нет коммуникатора?»

– Как нет?! Сразу, после обязательного медобследования, установили персональный коммуникатор, – он чуть закатал рукав мундира, показывая небольшой, размером со спичечный коробок, светящийся прямоугольник. – У меня на то время был самый передовой образец. Лично выбирал, – с довольной улыбкой произнёс он.

«До чего техника дошла! Уже в плоть вживляют электронные приборы, ладно, там чипы памяти, ну или протезы, но коммуникативный блок, а если он устареет, надоест, или...».

– Полковник, прошу, – стоя возле открывающейся массивной двери, произнёс капитан, как понял, дошли до капитанского мостика.

Шагнул внутрь. Полумрак помещения повеял холодом. Слева, справа, по центру, перемигиваясь разноцветными огоньками, располагались панели-шкафы, словно шагнувшие из прошлого, времён первых компьютеров.

– Это и есть... – только смог произнести, обводя пространство руками.

– Это капитанский мостик, здесь установлены блоки управления. Своеобразный мозг корабля.

– А капитан, его помощники?

– Капитан лайнера ожидает вас в кают-кампании.

Задавать других, мучавших меня вопросов, Сиганорову я не стал, намереваясь встретиться с капитаном лайнера, но по дороге в кают-кампанию сначала на коммуникатор Итриса, потом на мой пришло сообщение, что медицинский аппарат подготовлен для процедуры омоложения и мне советуют прервать экскурсию, продолжив лечение.

– Полковник, – заговорил капитан, но я его прервал: «Продолжим экскурсию после процедуры».

Медсестра встретила меня широкой улыбкой и что-то щебетала, не переставая, но я никак не мог отойти от шока. Неужели всё так поменялось за каких-то полсотни лет, смогу ли

я со своим багажом знаний, которые не укладываются в современный мир вписаться в реальность и не стать изгоем или ещё хуже, никому не нужным стариком.

– ...Павел, – от неожиданности, услышав над ухом своё имя, меня передёрнуло, – полковник, вам какой персональный коммуникатор устанавливать?

– Какие есть варианты? – придал своему голосу нотки интереса.

– Как я уже сказала, проведение процедуры омоложения является одним из стандартных периодов установки коммуникационного блока. На нашем лайнере небогатый выбор, но для вас, – она сделала многозначительную паузу, – есть превосходный экземпляр, не пожалеете, последняя разработка. Вживляемый коммутационный блок и сенсорная панель с визуализацией процессов на уровне АВ2.

«Что такое «АВ2», что такое коммутационный блок и, куда его вживляют», – лихорадочно соображал, что ответить. Устанавливать всякую ерунду в свой организм не разобравшись не хотел, как-то привык к приятно оттягивающему запястье коммуникатору, мне его вполне хватало, но и прослыть застарелым невежей тоже не хотелось.

– Разве блока уровня АА нет? – не моргнув глазом, стараясь поразить своими познаниями, задал вопрос, логически предположив, если есть «АВ», то должно быть и «АА», соответственно выше рангом.

– Нет, что вы. Образцы такого уровня устанавливаются только по личному указанию... – она вдруг замолкла, её глаза расширились. – Понимаю, вы как раз следуете на планету Сантипара для его установки. Кенгиры как раз славятся производством приборов премиум класса.

Удовлетворённо кивнул, расплывшись в улыбке. «Угадал!» – чуть не закричал, мысленно радуясь своей сообразительности.

– Тогда советую вам пройти неполный курс, – она подошла к ложементу и что-то нажав, продолжила говорить, – согласно инструкции, для установки персонального коммуникатора необходим запас не менее двадцати процентов от финальной процедуры омоложения...

– Сирена, а сколько раз проводят эту процедуру омоложения? – перебил, надеясь эмпирически, полагаясь на логику и жизненный опыт определить для себя среднюю продолжительность жизни.

– Научно доказана безвредность процедуры, – заговорила она, но потом чуть тише добавила, – полную процедуру проходят два раза, а некоторые, я слышала, омолаживались четыре раза.

«Понятно, значит для избранных жизнь считай бесконечная, а для остальных... Два раза и всё. Сколько это получается, – в уме защёлкал калькулятор, – сто пятьдесят, может сто восемьдесят лет. Это хороший результат, тем более, если находишься в теле тридцатилетнего, без возрастных болячек: артрита, радикулита... – ухмыльнулся я, забираясь в медицинский ложемент». Вновь ложемент обволок упругой субстанцией. Закрыл глаза, но спохватился: «Забыл спросить, сколько по времени займёт процедура».

Приятная теплота, лёгкость и ясность мыслей вернули в реальность.

«Сколько так проспал? Процедура закончилась или нет?»

Ложемент не отпускал из своих объятий. Полежал немного, мечтая, что когда процедура закончится, выйду из аппарата Аполлоном. Вывел данные коммуникатора на панель, что время терять, можно ещё поискать информацию, изучить, что произошло за эти долгие годы, тем более, так и не разобрался с политическим и экономическим устройством послевоенного мира. Только удалось обнаружить, что ни Альянса, ни Планетарного Союза больше не существует, а создана Федерация Разумных Рас.

Пролистывая нудные отчёты, аналитические выкладки, чувствую, что начинаю засыпать, а ничего интересного, даже как называется, или что собой представляет высший государственный орган Федерации, так и не нахожу. Отчаявшись, думал прекратить свои блуждания в

инфосети, как наткнулся на программу обучения, как сказано «обязательного минимального общедоступного образования» и погрузился в её изучение. Стало интересно, что изучают, как понял дети-подростки, в школах и, что считается «минимальным объёмом знаний». Просмотрев небогатый набор дисциплин, погрузился в уныние.

Ни фундаментальных наук: алгебра, геометрия, химия, физика, ни общеобразовательных: история, литература, обществознание, а только письмо, математика и общепринятый разговорный язык. Всё! Дальше, как понял, узкопрофильное образование, которое уже и разделяется в зависимости от выбранной сферы деятельности. Удивился ещё одному факту – рождаемость за последние десять лет упала, но согласно последней переписи, естественная убыль Федерации увеличилась незначительно. Эх, стареет Цивилизация.

Закрыв глаза, откинулся на подголовник, погрузившись в размышления. «Что же такое произошло, если за такой короткий срок всё так изменилось», – мучал себя вопросом, но ответ не находил. Рыться в гигантских объёмах информации, анализируя, сопоставляя факты, желания не было, но стиснув волю в кулак, открыл глаза и вновь погрузился в изучение исторических событий. Первым делом отыскал, что война между Планетарным Союзом и Альянсом прекратилась через три стандартных года после моего исчезновения. Сначала противоборствующие стороны достигли перемирия и только потом заключён мирный договор. Долго искал объяснение, почему длительное время продолжалось перемирие, но ответ оказался на поверхности – никто не хотел уступать. Как в военной сфере, так и в экономической, достигнут паритет, дальше только гибель обеих сторон, а виной всему зират. Гигантская накопленная энергия в этом минерале, вкупе с открытым учёными зарритом делала его феноменальным источником энергии и, как всегда, применение не ограничивалось только мирными целями. Вдаваться в показатели энергоёмкости, особенностей тактико-технических характеристик взрывного устройства не стал, просто провёл аналогию между концом сороковых годов двадцатого века, когда противостояние двух великих держав достигло такого накала, что только страх ответного, неминуемого удара остановил назревавшую очередную мировую войну.

Когда думали, что выхода из патовой ситуации нет, вмешались учёные, которые не зря ели свой хлеб. Примерно одновременно из обеих противоборствующих сторон поступило предложение о передаче функций политического управления искусственному интеллекту, созданному на базе всё того же заррита. Полгода проводилось согласование алгоритмов, тестирование и доводка экспериментального образца ИскИна. А ровно через год с начала перемирия, как только заработал и вышел на расчётную мощность самообучающийся ИскИн, две равные Цивилизации достигли соглашения по ключевым вопросам, и воцарился мир. Мир, который сейчас находится под управлением Искусственного Интеллекта.

Поражённый открывшимся фактом не заметил, как обволакивающая субстанция отступила, выпуская меня из ложементы.

– Господин Кенгирский, вы в порядке? – из прострации вывел знакомый голос, – процедура закончилась, можете покинуть аппарат.

На ватных ногах вылез из ложементы, смутно различая предметы. Присутствовало ощущение, что зрение совсем село, не различаю и стоящую рядом Сирену, что-то говорившую совсем рядом.

– Сколько в нём пробыл? – у меня сложилось впечатление, что находился в объятиях местного эскулапа не менее недели, если не больше.

– Двое суток. Процедура заняла больше времени, чем прогнозировалось. Мне пришлось несколько раз менять питательные картриджи.

– Что-то не чувствую себя молодым и здоровым, – ответил, еле держась на ногах.

– Не волнуйтесь, это побочный эффект. Советую вам выспаться. Мозг всё это время испытывал критичные нагрузки и ему необходимо отдохнуть, позвольте, я вас провожу, – она

подхватила меня под руки и повела. Я безвольно шёл за ней в надежде быстрее перевести себя в горизонтальное положение и отключиться...

Мерзкий писк коммуникатора заставил разлепить глаза. Лежу в кровати, из санузла раздаётся негромкий шум, будто кто-то принимает душ. Принимаю вызов: – Господин Кенгирский, вы просили напомнить, лайнер через двенадцать часов прибудет на орбиту Сантипара, – произнёс незнакомый голос. Я утвердительно кивнул, но понял, что меня не видят, и продублировал утвердительным восклицанием. Язык совершенно не ворочался, но неизвестный меня понял, отключившись.

«Что за ерунда. Пить хочется, будто бухал всю ночь, но голова не болит, только спина и коленные суставы. Что ж вчера было», – задумался я, потянувшись за какой-то металлической ёмкостью, стоявшей возле кровати.

«Так, вчера закончилась процедура омоложения, я лёг спать. А дальше...». Дальше безуспешно напрягал свою память, но дотянувшись до ёмкости, оказавшейся бутылкой-термосом с каким-то слабоалкогольным напитком, напоминающим шампанское. И, наслаждаясь прохладным напитком с отсутствием пузырьков, не заметил, как дверь душевой открылась, и передо мной предстала одетая в привычный наряд Сирена, но слегка растрёпанные волосы на голове однозначно давали понять, что прошлую ночь она не просто спала, укрывшись одеялом.

– Проснулся шалунишка, меня на вторую палубу вызвали. Не скучай без меня, – озорно произнесла она, а я чуть не захлебнулся от неожиданной встречи и начавшихся смутно проявляться из глубин памяти эпизодов прошлых двух дней.

Именно два дня прошло с того момента, как покинул медицинский ложемент. Видя моё плачевное состояние, кто же знал, что нагружать мозг, изучая материалы, используя коммуникатор, категорически запрещается, Сирена осталась присматривать за мной.

Как понял, очнулся я через несколько часов в бодром расположении духа и как настоящий полковник предложил отметить завершение лечения чем-нибудь «сладеньким». Не поднимаясь с кровати, осмотрел пустые ёмкости. Среди них попадались и совсем не «сладенькие» напитки, а прям термоядерные, испробованные мной еще, будучи лейтенантом. Когда «сладенький» алкоголь закончился, мы оба захмелели и я, чувствуя себя гусаром, не позволил бедной, несчастной женщине уйти и дрожать одной в темноте от страха в неудобной каюте.

Хорошее оправдание, неправда? Так продолжалось два дня, пока Сирену не вызвали на вторую палубу, может её потеряли? Хотя, нет. Персональный коммуникатор потеряться не даст. Совсем забыл!

Я вскочил с кровати и пошёл в душевую, где висело большое зеркало. За всё это время не удосужился посмотреть на себя, а если и смотрел, что вероятней всего, не запомнил, и сейчас меня распирало от нетерпения узнать, в кого меня превратила процедура омоложения.

Глава 5

«Уважаемые пассажиры лайнера «Адмирал Самонито». Корабль вышел на стационарную орбиту возле планеты Сантипара в звёздной системе Сиганола. Спускаемый шаттл отправляется с палубы пятнадцать сегмента «С». Повторяю...».

– Оказывается, лайнер носит имя какого-то прославленного адмирала, о котором я даже и не слышал, – думал я, стоя перед зеркалом одевая парадный мундир, любезно приведённый в порядок интендантской службой корабля. Конечно ни знаков различия, ни наград на нём не было, но это всё лучше, чем спускаться на планету, где тебя почитают героем, в обычной гражданской одежде.

Я поправил воротник и вновь удивился своему внешнему виду. Из отражения на меня смотрел мужчина лет сорока – сорока двух, подтянутый, с округлым лицом без волосяного покрова на голове. Не скажу, что совершенно лысый, но седина в волосах отсутствовала, а короткий ёжик придавал мужественность моему выражению лица. Процедура омоложения, как говорила Сирена, проведена не на все сто процентов, из-за этого я выглядел старше всех окружающих. Самое радостное для себя отметил, что старческие боли ушли и выглядел, как в свои сорок. Смотря в зеркало, удивлялся достигнутому прогрессу, изменения были разительные, ведь на корабль пиратов попал считай стариком, а сейчас выгляжу даже очень презентабельно.

«Эх, Андрей. Не дожил ты чуток», – покачал головой, вновь вспомнив причину, почему и, благодаря кому тут оказался.

– Полковник Кенгирский, – прозвучал вызов на панели связи, – ожидают только вас.

– Готов, выхожу, – ответил, делая шаг из каюты. Вещей у меня не было, а те подарки, которые мне преподнёс капитан корабля, кстати, оказавшийся общительным человеком, уместились в одну небольшую сумку, любезно предоставленную кем-то из членов экипажа.

В сопровождении капитана Синагорова я следовал на пятнадцатую палубу, а в голове всё крутилась моя последняя встреча с капитаном лайнера адмиралом Вениамином Ивашиным. Молодой офицер быстро дослужился до командира такого огромного лайнера, как медицинский корабль. Он не застал войну между Альянсом и Планетарным Союзом и был из той когорты новых офицеров, которые воспитаны в новом порядке, когда за всё отвечает искусственный интеллект. Как рассказал Вениамин, после проведённого тестирования ему установили коммуникационный блок, позволяющий на равных общаться с ИскИном корабля получая информацию в режиме реального времени. Как только у него мозги не закипают от такого огромного объёма информации! Мы долго сидели, разговаривали с адмиралом. Он с интересом слушал мои рассказы о войне, а мне была полезна информация об устанавливаемых коммуникационных блоках. Но меня всё больше терзали сомнения, всеми фибрами души осознавал, что-то здесь не так, я видел, что жизнь кардинально поменялась, видел достижения науки, техники. Адмирал с упоением рассказывал о новейших кораблях, о дальних экспедициях отправленных каких-то двадцать лет назад в соседнюю Галактику. О встрече, как предполагал искусственный интеллект, с разумными существами, но всё это было только на уровне слухов, потому что, придя в каюту, я не смог найти подтверждений словам адмирала. По крайней мере, в открытом доступе информации по экспедициям я не нашёл.

– Полковник, – отдал честь капитан, – доброго пути!

Итрис помог мне расположиться в шаттле, поместил мой скудный скарб в багажный отсек и, попрощавшись, удалился. Мне выделили место отдельно ото всех, я сидел один, в гордом одиночестве рассматривая через иллюминатор приближающуюся планету, на которой мне пока так и не удалось побывать.

– Господин Кенгирский, – как только шаттл замер на полосе космопорта, ко мне подошла милостивая, наверно, стюардесса, – трап подан.

В иллюминаторы я надеялся хоть что-то рассмотреть, но так получилось, что место, где расположился, оказалось противоположным от здания космопорта, а пересаживаться я не стал, посчитав это неактивным.

«Интересно, а меня хоть кто-то встречает, или самому придётся добираться, правда, не знаю куда», – не успел так подумать, как раздалась громкая музыка. Стоя в проёме люка, окинул взглядом встречающую меня процессию. «Так, наверно, и Императора не встречают», – первое, что пришло на ум.

На взлётно-посадочной полосе от шаттла, почётный караул выстроил живой коридор, протянувшийся вплоть до непонятного вида транспортного средства, а вокруг организованная толпа из нескольких тысяч кенгиров бурно выражала свои эмоции. Они что-то кричали, размахивали цветами, флагами с неизвестной мне символикой, у некоторых видел портреты со своим изображением, где стою молодой, сразу после вручения Ордена Основателя. На глазах навернулись слёзы. Я не мог и шагу ступить. Не ожидал, что так меня примут те, по чьей злой воле оказался вдалеке от дома, покинул родную планету Земля, прошёл тяготы и лишения войны, не один раз оказываясь на волосок от гибели. Но именно они – кенгиры стали для меня теми, кто принял меня, оценил мои заслуги и, что скрывать, спасли от неминуемой гибели.

Целый год прошёл в нескончаемых приёмах и встречах, от которых меня уже начинало мутить. Любой, в том числе мало-мальски значимый городок, хотел заполучить хоть на один день такую знаменитую личность, как я. Оказывается, за последнюю полусотню лет ни одного кавалера Ордена Основателя не прибавилось. Нет, были представления, ходатайства о награждении такой высокой наградой, но так как всё отдано на откуп искусственного интеллекта, то искусственный разум ни в одном случае не счёл необходимым наградить гражданина столь весомой наградой, да ещё в мирное время. Я просматривал очередной план мероприятий на неделю, делая свои пометки, но как же мне всё это надоело! Пробовал несколько раз отказаться, сославшись на здоровье, но тут же был помещён в медицинскую капсулу, где провёл в медикаментозном сне добрую пару часов, а когда вышел, так и вскрылось, что у меня до сих пор нет коммуникационного блока. И, как спросите, мне удавалось так долго скрывать его отсутствие? Отвечу, просто отсутствовала надобность в использовании широких возможностей предоставленных интегрированным модулем. Ни кораблём, ни иным транспортным средством я не управлял, банковский счёт мне был не нужен, моя личность, сами понимаете, известна всем и не требует доказательств, живу на всём готовеньком в очень даже добротном замке, окружённый заботой и почитанием.

– Господин кавалер Ордена Основателя, – отвлёк меня от малоприятного занятия мой помощник Затунарис Самуакис, – руководство завода «СиМерна», выражает глубокую озабоченность...

– Затунарис, давай без официоза и короче, – меня уже раздражало такое уважительно-витиеватое изъяснение моего помощника.

– Если коротко, то между производителями коммуникационных блоков произошёл спор, модуль какой компании вы желаете установить. Так как самостоятельно разрешить его не удалось, обратились к планетарному искусственному интеллекту, который... – я с нескрываемым раздражением посмотрел на Затунариса. Как же всё-таки кенгиры любят изъясняться пространными фразами, что и понять иногда становится трудно. Видя моё недовольство, Самуакис заговорил быстро и видно, что он сократил свою подготовленную речь раза в три, если не больше.

– Компании объединились, создали новый блок, который вам лично хотят преподнести в конце недели.

Я уткнулся в свой график.

– Господин Кенгирский, рекомендую совместить посещение судовой верфи и встречу с...

– Почему? – перебил я, не понимая связи.

– На судовой верфи вам подарят новейший крейсер... – что-то продолжал говорить помощник, а я уже погрузился в свои размышления. Как же я от этого устал. Подарки, презенты, уже и ставить некуда. Целое крыло моего, именного моего замка отведено под склад, где лежат, пылятся подаренные мне вещи, от малозначительных безделушек, до антикварных раритетов.

– Послушай, Самуакис, а я могу приобрести корабль, не очень старый, без современного ИскИна, но чтоб он занимался навигацией, следил за техническим состоянием, а не полное управление кораблём?

– Вы хотите приобрести списанный корабль?

– Почему списанный? Я хочу корабль, чтоб мог летать... – чуть не сказал «по старинке», без слияния с ИскИном, но быстро поправился, – чтобы слетать, встретиться со своими друзьями. За долгий год я только пару раз смог пообщаться с Ускусом и Куртисом, а встретиться так и не довелось, а на официально закреплённом транспортном судне отправляться как-то не хотелось, протокол, понимаете ли. Так, почему мне не приобрести на личные средства корабль? Денег хватает с лихвой, как-никак получил полное денежное содержание за время отсутствия, не считая непредвиденных премиальных выплат. И самому слетать к друзьям, посидеть, вспомнить былое, расспросить о житее бытие, да и узнать про Андрея хотел подробнее, встретить его жену, сына, а то данные информатория были настолько скудными, что ничего нового для себя так и не открыл, кроме того, что у него сын.

– Вам подарят корабль, его как раз достраивают на верфи, прямо под ваш статус, – поразил своим непониманием помощник, который под моим раздражённым взглядом удалился, оставив меня одного. Ничего, через пару минут опять придёт и, как ни в чём не бывало, начнёт опять донимать меня своим скрупулёзным исполнением своих обязанностей.

Отодвинул планшет с расписанием, налил себе стаканчик напитка очень напоминавшего земной коньяк. «Почему мне самому не посмотреть, что продаётся на вторичном рынке», – пришла мысль, за которую я тут же ухватился. Долго рассматривал предложения различных кораблей, но так и не смог выбрать такой, который бы мне подходил, я ж не пилот, не капитан. Знаний и умений для пилотирования у меня, мягко сказать нет, а набирать команду...

«Не тупи! Задай критерии поиска. Не может быть, чтоб не было корабля, который бы управлялся...». И тут наткнулся на одно объявление: «Продаётся космический корабль «Бигарисса» класс: «рейдер». Возможна модернизация для подключения модуля классом «АВ+». Тактико-технические характеристики вышлю по запросу. Внимание: дорого! Без торга! Модернизация за счёт покупателя! Последний корабль такого класса...».

Я смотрел на изображение корабля, его хищные обводы почему-то привлекли моё внимание. Не дочитав объявление, связался с продавцом, надеясь получить информацию из первых уст.

– Слушаю, – раздалось в коммуникаторе.

– Я по поводу объявления о продаже корабля... – начал говорить, но меня перебили, я даже опешил от такого отношения к потенциальному покупателю.

– В металлолом не продаю. Цена окончательная. Характеристики высылаю после осмотра... – кто-то раздражённо говорил, видно его уже достали с неадекватными предложениями.

– Когда и где можно осмотреть корабль? – перебил продавца, который так и не представился, а в коммуникаторе его имя по какой-то причине не отобразилось, только идентификационный номер.

– Геостационарная верфь «СамШит», палуба сорок четыре в любое время, – ответили на мой вопрос и соединение разорвалось.

– В любое время, – тихо повторил я, – а сегодня выходной перед началом трудовых будней. Поздний вечер. Может и успею слетать, чтоб из графика не выбиться, а то нехорошо получится.

– Господин Кенгирский, с вами всё в порядке, может в медкапсулу? – вывел меня из прострации помощник, тихо вошедший в мои апартаменты.

– Где располагается верфь «СамШит»? – задал в лоб вопрос помощнику.

– На орбите четвёртой планеты. Это заброшенная верфь, устаревшая, – отчеканил в ответ тот.

– Подготовь корабль, вылетаем через час, – отдал команду, а сам поднялся из кресла, всем видом показывая, что разговор закончен.

Всё время пока летели, помощник нервничал, связывался несколько раз с кем-то, давал указания.

– Самуакис, – оторвал его от очередного разговора по коммуникатору, – подойди.

– Слушаю вас, кавалер... – я только угрожающе посмотрел на него и тот замолк. «Наверно, надо менять помощника, слишком учтив, но и просто отстранить, убрать куда-нибудь, как-то совесть не позволяет».

– С тобой всё нормально? Ты какой-то нервный.

– Господин... – заговорил кенгир, видно, что он сильно волнуется, но сделав пару вздохов, продолжил, – наш полёт не согласован с планетарным ИскИном.

– И что? – не понял я.

– Понимаете, верфь «СамШит» не оборудована управляющим ИскИном, мне не удаётся организовать вашу встречу, отвечающую статусу...

– Ничего страшного, – ответил я, расплывшись в улыбке, оказывается, вот почему он так нервничает. Не удаётся организовать протокольные мероприятия, даже не понимает, что я лечу не с инспекцией или официальным визитом, а по личной инициативе.

– Вы меня не уволите? – вдруг произнёс мой помощник.

– Нет, – вновь улыбнулся я, – и, возможно, для тебя появится очень ответственное задание, но это зависит от результата моего визита, если положительно, то... – многозначительно закончил говорить. Не раскрывать же карты, что планирую, так, скажем, взять отпуск, и повесить все текущие, не требующие моего личного участия дела на него. Тот расплылся в улыбке, от которой мне вновь вспомнилась моя первая встреча с кенгирами.

– Господин Кенгирский, корабль, как вы и просили, получил разрешение состыковаться на сорок третьей палубе, это ближайшая свободная к сорок четвёртой.

– Благодарю, – ответил, вставая с удобного кресла. Для меня, отличавшегося габаритами от кенгрир, несколько переделали корабль, обставив удобной для человеческого строения тела мебелью, – Самуакис, останься, сверься с расписанием, вероятно, отсюда нам придётся сразу стартовать на очередную запланированную встречу и в гордом одиночестве вышел из корабля. Давно я так не прогуливался один, даже привык к неусыпному вниманию, граничащему с паталогическим желанием угодить.

– Я прибыл для осмотра корабля, – вновь связался с продавцом, – нахожусь на палубе...

– Знаю, – перебили меня, – маршрут скинул на коммуникатор, я сейчас там появлюсь.

Шёл, оглядывая помещения, коридоры, которые мне приходилось пересекать. Ни мобíля, ни какого другого транспортного средства мне не предоставили. Всю дорогу удивлялся запустению и откровенной разрухе.

– Проходите, – услышал, как только вступил в открытый, скудно освещённый ангар палубы, – я, Макисуми Агарис, владелец «Бигарисса».

– Павел Кенгирский, – представился в ответ, ожидая воплей радости, но их не последовало.

– Очень приятно. Позвольте вам показать корабль, да, ещё, – он протянул мне инфоноситель, – это его характеристики. У меня нет связи с планетарным ИскИном и в информатории их нет. Вы первый, кто за последние пятнадцать лет посетил мою берлогу, – ухмыльнулся он.

Меня сначала удивило безразличие, с которым мой собеседник воспринял то, с кем он разговаривает, что к нему, в такую дыру прилетел сам... «М-да. Совсем из ума выжил. Поклонения ещё тебе подавай, а ты попробуй, побудь простым смертным», – поймал себя на грустной мысли.

– Смотрю, у вас тоже коммуникатор старого образца, – вдруг, когда подошли к кораблю заговорил Агарис, – а прилетели на современном корвете, вы не один прибыли?

– Нет, не один. Со мной помощники и пилот, – ответил машинально.

– Значит, вы важная птица, – ухмыльнулся тот, – ладно, давайте я вам расскажу о корабле. Нудную информацию, которую передал, потом почитаете. Корабль «Бигарисса» крейсер рейдерского класса, надеюсь не надо объяснять, что это значит? – и, дождавшись моего утвердительного кивка, продолжил, – находится на консервации, наверно, лет тридцать. Первоначально его использовали в качестве почтового корабля, там посылку передать, ценный груз отвезти, но как началась, – он поморщился, – массовая установка коммуникационных блоков нового образца, так его и списали.

Видя мой непонимающий взгляд, Агарис продолжил: «Модель корабля переходная, установлены современные на тот момент двигатели, но управление осталось без прямого подключения к корабельному ИскИну, по старинке: вербальный и тактильный контакт».

– Какой расход топлива, как часто обслуживание? – задал вопрос, когда почувствовал, что пауза затянулась. Мы шли по коридорам корабля в капитанскую рубку и первое впечатление от его состояния меня не порадовало. Не скажу, что внутри царило такое же запустение, как и в ангарах станции, но холод давно не посещаемого корабля ощущался на уровне подсознания.

– Эх, мил человек, вижу, что вы далеки от пилотской профессии. У корабля не расход топлива, а запас хода, – улыбнулся он, но в его взгляде почувствовал сожаление и разочарование, – обслуживание заключается только в смене расходных картриджей жизнеобеспечения и энергопитания.

– И, какой запас хода? – поправился я.

– По современным стандартам, считай не много, всего восемьсот пятьдесят световых лет. Автономность сто сорок восемь суток, если не брать запасные расходники. Экипаж до трёх человек, – отчеканил Агарис, усаживаясь в капитанское кресло и тут корабль ожил. Замигали индикаторы, засветилась панель пространственного экрана, освещение сменилось с дежурного, устлая пространство мягким ласкающим светом, и из динамиков донёсся приятный женский голос.

– Приветствую вас, капитан Агарис на борту корабля. Давно не приходили, какие будут приказания.

– Проведи полное тестирование и доложи.

– Исполняю.

– Вы капитан этого корабля? – спросил, не скрывая своего удивления. Так как только сейчас присмотрелся к убелённому сединами человеку. Именно к человеку, а не кенгиру. Ему, на вид, лет сорок пять, но выглядит старше меня. Наверно, только один раз прошёл процедуру омоложения, но самое интересное, что отметил – это воинской выправки, присущей кадровому военному не ощущалось.

– Не смотрите на меня так. Да, я капитан «Бигарисса», пока нас не списали, – раздражённо ответил собеседник, – и не отправили сюда, в эту дыру, но было время, каких-то трид-

цать лет назад... – тут он замолк. Я уселся в соседнее кресло и, не тревожа его своими расспросами, погрузился в изучение характеристик корабля, но быстро для себя отметил, что не понимаю в хитросплетениях информации, цифрах практически ничего, я ж не пилот, наверно, Андрей бы разобрался в этом лучше, но...

– Я с Эльзой, – тихо заговорил бывший капитан, – двадцать лет прослужил на флоте в курьерской службе. Когда корабль построили, как раз война закончилась. Где только не побывал, доставляя грузы, сопровождая экспедиции. Забирался в такие отдалённые уголки Галактики, что и не снилось. Но, когда в очередной раз, лет тридцать назад, подошла моя очередь устанавливать коммуникационный блок нового образца, я отказался. Не захотел, чтобы мой корабль списали насовсем. За долгие годы службы мне удалось его выкупить, я, прям, сжился с ним, проводил долгие месяцы на борту, а потом... потом, меня списали. Отправили сюда приглядывать за станцией, пока до неё очередь не дойдёт на утилизацию. И вот время пришло, в течение года «СамШит» разберут, а меня опять отправят куда-нибудь, где нет необходимости использовать современные устройства коммуникации, или спишут на пенсию. Содержать корабль средств у меня нет, да и не нужны такие в современном мире, – сожалеющим тоном произнёс Агарис, – но, я подумал... зачем ставить крест на корабле. Он-то ещё послужит не одно десятилетие, вот и выставил на продажу. Он же, как живой, почти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.